

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

3-4
классы

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

(для 3-4 классов)

Художник
Владимир Черноглазов

Страна детства

АНТОН ЧЕХОВ
(1860-1904)

МАЛЬЧИКИ

– Володя приехал! – крикнул кто-то во дворе.

– Володичка приехали! – завопила Наталья, вбегая в столовую. – Ах, Боже мой!

Вся семья Королёвых, с часу на час поджидавшая своего Володю, бросилась к окнам. У подъезда стояли широкие розвальни, и от тройки белых лошадей шёл густой туман. Сани были пусты, потому что Володя уже стоял в снях и красными, озябшими пальцами развязывал башлык. Его гимназическое пальто, фуражка, калоши и волосы на висках были покрыты инеем, и весь он, от головы до ног, издавал такой вкусный морозный запах, что, глядя на него, хотелось озябнуть и сказать: «бррр!» Мать и тётка бросились обнимать и целовать его. Наталья повалилась к его ногам и начала стаскивать с него валенки, сёстры подняли визг, двери скрипели, хлопали, а отец Володи в одной жилетке и с ножницами в руках вбежал в переднюю и закричал испуганно:

– А мы тебя ещё вчера ждали! Хорошо доехал? Благополучно? Господи Боже мой, да дайте же ему с отцом поздороваться! Что я не отец, что ли?

«Гав! Гав!» – ревел басом Милорд, огромный чёрный пёс, стуча хвостом по стенам и мебели.

Всё смешалось в один сплошной радостный звук, продолжавшийся минуты две. Когда первый порыв радости прошёл, Королёвы заметили, что, кроме Володи, в передней находился ещё один маленький человек, окутанный в платки, шали и башлыки и покрытый инеем; он неподвижно стоял в углу, в тени, бросаемой большою лисьей шубой.

– Володичка, а это же кто? – спросила шёпотом мать.

– Ах, – спохватился Володя. – Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевицын, ученик второго класса... Я привёз его с собой погостить у нас.

– Очень приятно, милости просим! – сказал радостно отец. – Извините, я по-домашнему, без сюртука... Пожалуйста! Наталья, помоги господину Черепицыну раздеться! Господи Боже мой, да прогоните эту собаку! Это наказание!

Немного погодя Володя и его друг Чечевицын, ошеломлённые шумной встречей и всё ещё розовые от холода, сидели за столом и пили чай. Зимнее солнышко, проникая сквозь снег и узоры на окнах, дрожало на самоваре и купало свои чистые лучи в полоскательной чашке. В комнате было тепло, и мальчики чувствовали, как в их озябших телах, не желая уступать друг другу, щекотались тепло и мороз.

– Ну, вот скоро и Рождество! – говорил нараспев отец, крутя из тёмно-рыжего табаку папиросу. – А давно ли было лето, и мать плакала, тебя провожая? Ан ты и приехал... Время, брат, идёт быстро! Ахнуть не успеешь, как старость придёт. Господин Чибисов, кушайте, прошу вас, не стесняйтесь! У нас попросту.

Три сестры Володи, Катя, Соня и Маша, – самой старшей из них было одиннадцать лет, – сидели за столом и не отрывали глаз от нового знакомого. Чечевицын был такого же возраста и роста, как Володя, но не так пухл и бел, а худ, смугл, покрыт веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькие, губы толстые, вообще был он очень некрасив, и если б на нём не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за кухаркина сына.

Он был угрюм, всё время молчал и ни разу не улыбнулся. Девочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и учёный человек. Он о чём-то всё время думал и так был занят своими мыслями, что когда его спрашивали о чём-нибудь, то он вздрагивал, встряхивал головой и просил повторить вопрос.

Девочки заметили, что и Володя, всегда весёлый и разговорчивый, на этот раз говорил мало, вовсе не улыбался и как будто даже не рад был тому, что приехал домой. Пока сидели за чаем, он обратился к сёстрам только раз, да и то с какими-то странными словами. Он указал пальцем на самовар и сказал:

– А в Калифорнии вместо чаю пьют джин.

Он тоже был занят какими-то мыслями, и, судя по тем взглядам, какими он изредка обменивался с другом своим Чечевицыным, мысли у мальчиков были общие.

После чаю все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для ёлки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок падал с неба; папаша тоже восхищался и изредка бросал ножницы на пол, сердясь на них за то, что они тупы.

Мамаша вбегала в детскую с очень озабоченным лицом и спрашивала:

– Кто взял мои ножницы? Опять ты, Иван Николаич, взял мои ножницы?

– Господи Боже мой, даже ножниц не дают! – отвечал плачущим голосом Иван Николаич и, откинувшись на спинку стула, принимал позу оскорблённого человека, но через минуту опять восхищался.

В предыдущие свои приезды Володя тоже занимался приготовлениями для ёлки или бегал на двор поглядеть, как кучер и пастух делали снеговую гору, но теперь он и Чечевицын не обратили никакого внимания на разноцветную бумагу и ни разу даже не побывали в конюшне, а сели у окна и стали о чём-то шептаться; потом они оба вместе раскрыли географический атлас и стали рассматривать какую-то карту.

– Сначала в Пермь... – тихо говорил Чечевицын. – Оттуда в Тюмень... потом Томск... потом... потом... в Камчатку... Отсюда самоеды перевезут на лодках через Берингов пролив... Вот тебе и Америка... Тут много пушных зверей.

– А Калифорния? – спросил Володя.

– Калифорния ниже... Лишь бы в Америку попасть, а Калифорния не за горами. Добывать же себе пропитание можно охотой и грабежом.

Чечевицын весь день сторонился девочек и глядел на них исподлобья. После вечернего чая случилось, что его минут на пять оставили одного с девочками. Неловко было молчать. Он сурово кашлянул, потёр правой ладонью левую руку, поглядел угрюмо на Катю и спросил:

– Вы читали Майн Рида?

– Нет, не читала... Послушайте, вы умеете на коньках кататься?

Погружённый в свои мысли, Чечевицын ничего не ответил на этот вопрос, а только сильно надул щёки и сделал такой вздох, как будто ему было очень жарко. Он ещё раз поднял глаза на Катю и сказал:

– Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

– А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты.

– А что это такое?

– Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

– Господин Чечевицын.

– Нет. Я Монтигомо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых.

Маша, самая маленькая девочка, поглядела на него, потом на окно, за которым уже наступил вечер, и сказала в раздумье:

– А у нас чечевицу вчера готовили.

Совершенно непонятные слова Чечевицына и то, что он постоянно шептался с Володей, и то, что Володя не играл, а всё думал о чём-то, – всё это было загадочно и странно. И обе старшие девочки, Катя и Соня, стали зорко следить за мальчиками. Вечером, когда мальчики ложились спать, девочки подкрались к двери и подслушали их разговор. О, что они узнали! Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги было уже всё готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придётся пройти пешком несколько тысяч верст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации.

Володя и Чечевицын говорили и в увлечении перебивали друг друга. Себя Чечевицын называл при этом так: «Монтигомо Ястребиный Коготь», а Володю – «бледнолицый брат мой».

– Ты смотри же, не говори маме, – сказала Катя Соне, отправляясь с ней спать. – Володя привезёт нам из Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь маме, то его не пустят.

Накануне сочельника Чечевицын целый день рассматривал карту Азии и что-то записывал, а Володя, томный, пухлый, как укушенный пчелой, угрюмо ходил по комнатам и ничего не ел. И раз даже в детской он остановился перед иконой, перекрестился и сказал:

– Господи, прости меня, грешного! Господи, сохрани мою бедную, несчастную маму!

К вечеру он расплакался. Идя спать, он долго обнимал отца, мать и сестёр. Катя и Соня понимали, в чём тут дело, а младшая, Маша, ничего не понимала, решительно ничего, и только при взгляде на Чечевицына задумывалась и говорила со вздохом:

– Когда пост, няня говорит, надо кушать горох и чечевицу.

Рано утром в сочельник Катя и Соня тихо поднялись с

постелей и пошли посмотреть, как мальчики будут бежать в Америку. Подкралась к двери.

– Так ты не поедешь? – сердито спрашивал Чечевицын.
– Говори: не поедешь?

– Господи! – тихо плакал Володя. – Как же я поеду? Мне маму жалко.

– Бледнолицый брат мой, я прошу тебя, поедем! Ты же уверял, что поедешь, сам меня сманил, а как ехать, так вот и струсил.

– Я... я не струсил, а мне... мне маму жалко.

– Ты говори: поедешь или нет?

– Я поеду, только... только погоди. Мне хочется дома пожить.

– В таком случае, я сам поеду! – решил Чечевицын. – И без тебя обойдусь. А ещё тоже хотел охотиться на тигров, сражаться! Когда так, отдай же мои пистоны!

Володя заплакал так горько, что сёстры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

– Так ты не поедешь? – ещё раз спросил Чечевицын.

– По... поеду.

– Так одевайся!

И Чечевицын, чтобы уговорить Володю, хвалил Америку, рычал как тигр, изображал пароход, бранился, обещал отдать Володе всю слоновую кость и все львиные и тигровые шкуры.

И этот худенький, смуглый мальчик со щетинистыми волосами и веснушками казался девочкам необыкновенным, замечательным. Это был герой, решительный, неустрашимый человек, и рычал он так, что, стоя за дверями, в самом деле можно было подумать, что это тигр или лев.

Когда девочки вернулись к себе и одевались, Катя с глазами, полными слёз, сказала:

– Ах, мне так страшно!

До двух часов, когда сели обедать, всё было тихо, но за

обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома. Послали в людскую, в конюшню, во флигель к приказчику – там их не было. Послали в деревню – и там не нашли. И чай потом тоже пили без мальчиков, а когда садились ужинать, мамаша очень беспокоилась, даже плакала. А ночью опять ходили в деревню, искали, ходили с фонарями на реку. Боже, какая поднялась суматоха!

На другой день приезжал урядник, писали в столовой какую-то бумагу. Мамаша плакала.

Но вот у крыльца остановились розвальни, и от тройки белых лошадей валил пар.

– Володя приехал! – крикнул кто-то на дворе.

– Володичка приехали! – завопила Наталья, вбегая в столовую.

И Милорд залаял басом «гав! гав!». Оказалось, что мальчиков задержали в городе, в Гостином дворе (там они ходили и всё спрашивали, где продаётся порох). Володя как вошёл в переднюю, так и зарыдал и бросился матери на шею. Девочки, дрожа, с ужасом думали о том, что теперь будет, слышали, как папаша повёл Володю и Чечевицына к себе в кабинет и долго там говорил с ними; и мамаша тоже говорила и плакала.

– Разве это так можно? – убеждал папаша. – Не дай Бог, узнают в гимназии, вас исключат. А вам стыдно, господин Чечевицын! Нехорошо-с! Вы зачинщик, и, надеюсь, вы будете наказаны вашими родителями. Разве это так можно? Вы где ночевали?

– На вокзале! – гордо ответил Чечевицын.

Володя потом лежал, и ему к голове прикладывали полотенце, смоченное в уксусе. Послали куда-то телеграмму, и на другой день приехала дама, мать Чечевицына, и увезла своего сына.

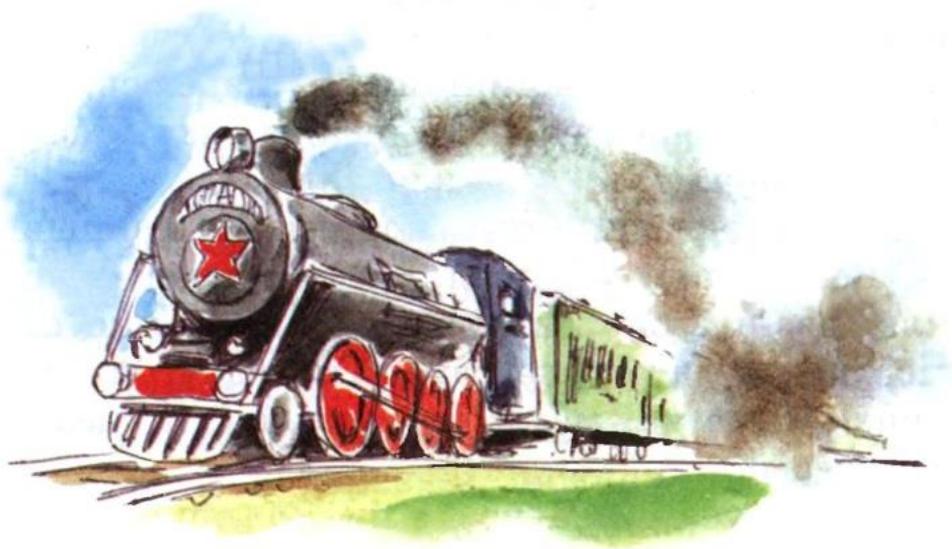
Когда уезжал Чечевицын, то лицо у него было суровое, надменное, и, прощаясь с девочками, он не сказал ни од-

ного слова, только взял у Кати тетрадку и написал в знак памяти:

«Монтигомо Ястребиный Коготь».

ЮРИЙ СОТНИК
(1914-1997)

ГАДЮКА

Мимо окна вагона проплыл одинокий фонарь. Поезд остановился. На платформе послышались торопливые голоса:

– Ну, в час добрый! Смотри из окна не высовывайся!

– Не буду, бабушка.

– Как приедешь, обязательно телеграмму!.. Боря, слышишь? Мыслимое ли дело такую пакость везти!

Поезд тронулся.

– До свиданья, бабушка!

– Маму целуй. Носовой платок я тебе в карман...

Старичок в панаме из сурового полотна негромко заметил:

– Так-с! Сейчас, значит, сюда пожалует Боря.

Дверь открылась, и Боря вошёл. Это был мальчик лет двенадцати, упитанный, розовощёкий. Серая кепка сидела криво на его голове, чёрная курточка распахнулась. В одной руке он держал бельевую корзину, в другой – верёвочную сумку с большой банкой из зелёного стекла. Он двигался по вагону медленно, осторожно, держа сумку на

почтительном расстоянии от себя и не спуская с неё глаз. Вагон был полон. Дойдя до середины вагона, Боря остановился.

– Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет здесь, с краешку, – сказал старичок в панаме.

– Спасибо! – невнятно проговорил Боря и сел, предварительно засунув свой багаж под лавку.

Пассажиры исподтишка наблюдали за ним.

Некоторое время он сидел смирно, держась руками за колени и глубоко дыша, потом вдруг сполз со своего места, выдвинул сумку и долго рассматривал сквозь стекло содержимое банки. Потом негромко сказал: «Гут», убрал сумку и снова уселся.

Многие в вагоне спали. До появления Бори тишина нарушалась лишь постукиванием колёс да чьим-то размеренным храпом. Но теперь к этим монотонным, привычным, а потому незаметным звукам примешивался странный непрерывный шорох, который явно исходил из-под лавки.

Старичок в панаме поставил ребром на коленях большой портфель и обратился к Боре:

– В Москву едем, молодой человек?

Боря кивнул.

– На даче были?

– В деревне. У бабушки.

– Так, так!.. В деревне. Это хорошо. – Старичок немного помолчал. – Только тяжеленько, должно быть, одному. Багаж-то у вас вон какой, не по росту.

– Корзина? Нет, она лёгкая. – Боря нагнулся зачем-то, потрогал корзину и добавил вскользь: – В ней одни только земноводные.

– Как?

– Одни земноводные и пресмыкающиеся. Она лёгкая совсем.

На минуту воцарилось молчание. Потом плечистый рабочий с тёмными усами пробасил:

– Это как понимать: земноводные и пресмыкающиеся?

– Ну, лягушки, жабы, ящерицы, ужи...

– Бррр, какая мерзость! – сказала пассажирка в углу.

Старичок побарабанил пальцами по портфелю:

– Н-да! Занятно!.. И на какой же предмет вы их, так сказать...

– Террариум для школы делаем. Двое наших ребят самый террариум строят, а я ловлю.

– Чего делают? – спросила пожилая колхозница, лежащая на второй полке.

– Террариум, – пояснил старичок, – это, знаете, такой ящик стеклянный, вроде аквариума. В нём и содержат всех этих...

– Гадов-то этих?

– Н-ну да. Не гадов, а земноводных и пресмыкающихся, выражаясь научным языком. – Старичок снова обратился к Боре: – И... и много, значит, у вас этих земноводных?

Боря поднял глаза и стал загибать пальцы на левой руке:

– Ужей четыре штуки, жаб две, ящериц восемь и лягушек одиннадцать.

– Ужас какой! – донеслось из тёмного угла. Колхозница поднялась на локте и посмотрела вниз на Бору:

– И всех в школу повезёшь?

– Не всех. Мы половину ужей и лягушек на тритонов сменяем в девчачьей школе.

– Ужотко попадёт тебе от учителей...

Боря передёрнул плечами и снисходительно улыбнулся:

– «Попадёт»! Вовсе не попадёт. Наоборот, даже спасибо скажут.

– Раз для ученья, стало быть, не попадёт, – согласился усатый рабочий.

Разговор заинтересовал других пассажиров: из сосед-

него отделения вышел молодой загорелый лейтенант и остановился в проходе, положив локоть на вторую полку; подошли две девушки-колхозницы, громко щёлкая орехи; подошёл высокий лысый гражданин в пенсне; подошли два ремесленника. Боре, как видно, польстило такое внимание. Он заговорил оживлённее, уже не дожидаясь распросов:

– Вы знаете, какую мы пользу школе приносим... Один уж в зоомагазине семь пятьдесят стоит, да ещё попробуй достань! А лягушки... Пусть хотя бы по трёшке штука, вот и тридцать три рубля... А самый террариум!.. Если такой в магазине купить, рублей пятьсот обойдётся. А вы говорите «попадёт»!

Пассажиры смеялись, кивали головами.

– Молодцы!

– А что вы думаете! И в самом деле пользу приносят.

– И долго ты их ловил? – спросил лейтенант.

– Две недели целых. Утром позавтракаю – и сразу на охоту. Приду домой, пообедаю – и опять ловить, до самого вечера. – Боря снял кепку с головы и принялся обмахиваться ею. – С лягушками и жабами ещё ничего... и ящерицы часто попадают, а вот с ужами... Я раз увидел одного, бросился к нему, а он – в пруд, а я не удержался – и тоже в пруд. Думаете, не опасно?

– Опасно, конечно, – согласился лейтенант.

Почти весь вагон прислушивался теперь к разговору. Из всех отделений высовывались улыбающиеся лица. Когда Боря говорил, наступала тишина. Когда он умолкал, отовсюду слышались приглушённый смех и негромкие голоса:

– Занятный какой мальчонка!

– Маленький, а какой сознательный!

– Н-нда-с! – заметил старичок в панаме. – Общественно полезный труд. В наше время, граждане, таких детей не было. Не было таких детей!

– Я ещё больше наловил бы, если бы не бабушка, – сказал Боря. – Она их до смерти боится.

– Бедная твоя бабушка!

– Я и так ей ничего про гадюку не сказал.

– Про кого?

– Про гадюку. Я её четыре часа выслеживал. Она под камень ушла, а я её ждал. Потом она вылезла, я её защемил...

– Стало быть, и гадюку везёшь? – перебил его рабочий.

– Ага! Она у меня в банке, отдельно. – Боря махнул рукой под скамью.

– Этого ещё не доставало! – простонала пассажирка в тёмном углу.

Слушатели несколько притихли. Лица их стали серьёзнее. Только лейтенант продолжал улыбаться.

– А может, это и не гадюка? – спросил он.

– «Не гадюка»! – возмутился Боря. – А что же тогда, по-вашему?

– Ещё один уж.

– Думаете, я ужа отличить не могу?

– А ну покажи!

– Да оставьте! – заговорили кругом. – Ну её!

– Пусть, пусть покажет. Интересно.

– Ну что интересного! Смотреть противно!

– А вы не смотрите.

Боря вытащил из-под лавки сумку и опустился перед ней на корточки. Стоявшие в проходе расступились, сидевшие на скамьях приподнялись со своих мест и вытянули шеи, глядя на зелёную банку.

– Сорок лет прожил, а гадюку от ужа не сумею отличить, – сказал гражданин в пенсне.

– Вот! – наставительно отозвался старичок. – А будь у вас в школе террариум, тогда смогли бы.

– Уж возле головы пятнышки такие жёлтые имеет, – сказал Боря, заглядывая сбоку внутрь банки. – А у гадюки

таких пятнышек... – Он вдруг умолк. Лицо его приняло сосредоточенное выражение. – У гадюки... у гадюки таких пятнышек... – Он опять не договорил и посмотрел на банку с другой стороны. Потом заглянул под лавку. Потом медленно обвёл глазами пол вокруг себя.

– Что, нету? – спросил кто-то.

Боря поднялся. Держась руками за колени, он всё ещё смотрел на банку.

– Я... я совсем недавно её проверял... Тут была...

Пассажиры безмолвствовали. Боря опять заглянул под скамью:

– Тряпочка развязалась. Я её очень крепко завязал, а она...

Тряпочка никого не интересовала. Все опасливо смотрели на пол и переступали с ноги на ногу.

– Чёрт знает что! – процедил сквозь зубы гражданин в пенсне. – Выходит, что она здесь где-то ползает.

– Н-нда! История!..

– Ужалит ещё в тесноте!

Пожилая колхозница села на полке и уставилась на Бору:

– Что же ты со мной сделал! Милый! Мне сходить через три остановки, а у меня вещи под лавкой. Как я теперь за ними полезу?

Боря не ответил. Уши его окрасились в тёмно-красный цвет, на физиономии выступили капельки пота. Он то нагибался и заглядывал под скамью, то стоял, опустив руки, машинально постукивая себя пальцами по бёдрам.

– Доигрались! Маленькие! – воскликнула пассажирка в тёмном углу.

– Тётя Маша! А, тёть Маш! – крикнула одна из девушек.

– Ну? – донеслось с конца вагона.

– Поаккуратней там. Гадюка под лавками ползает.

– Что-о? Какая гадюка?

В вагоне стало очень шумно. Девушка-проводница вышла из служебного отделения, сонно поморгала глазами и вдруг широко раскрыла их. Двое парней-ремесленников подсаживали на вторую полку опрятную старушку:

– Давай, давай, бабуся, эвакуируйся!

На нижних скамьях, недавно переполненных, теперь было много свободных мест, зато с каждой второй полки свешивалось по несколько пар женских ног. Пассажиры, оставшиеся внизу, сидели, поставив каблуки на противоположные скамьи. В проходе топталось несколько мужчин, освещая пол карманными фонарями и спичками.

Проводница пошла вдоль вагона, заглядывая в каждое купе:

– В чём дело? Что тут такое у вас?

Никто ей не ответил. Со всех сторон слышались десятки голосов, и возмущённых и смеющихся:

– Из-за какого-то мальчишки людям беспокойства сколько!

– Миша! Миша, проснись, гадюка у нас!

– А? Какая станция?

Внезапно раздался истошный женский визг.

Мгновенно воцарилась тишина, и в этой тишине откуда-то сверху прозвучал ласковый украинский говорок:

– Та не бойтесь! Це мий ремешек на вас упал.

Боря так виновато помаргивал светлыми ресницами, что проводница уставилась на него и сразу спросила:

– Ну?.. Чего ты здесь натворил?

– Тряпочка развязалась... Я её завязал тряпочкой, а она...

– Интересно, какой это педагог заставляет учеников возить ядовитых змей! – сказал гражданин в пенсне.

– Меня никто не заставлял, – пролепетал Боря. – Я... я сам придумал, чтобы её привезти.

– Инициативу проявил, – усмехнулся лейтенант.

Проводница поняла всё.

– «Сам, сам»! – закричала она плачущим голосом. – Лезь вот теперь под лавку и лови! Как хочешь, так и лови! Я за тебя, что ли, полезу? Лезь, говорю!

Боря опустился на четвереньки и полез под лавку. Проводница ухватилась за его ботинок и закричала громче прежнего:

– Ты что? С ума сошёл?.. Вылезай! Вылезай, тебе говорят!

Боря всхлипнул под лавкой и слегка дёрнул ногой:

– Сам... сам упустил... сам и... найду.

– Довольно, друг, не дури, – сказал лейтенант, извлекая охотника из-под лавки.

Проводница постояла, повертела в растерянности головой и направилась к выходу:

– Пойду старшему доложу.

Она долго не возвращалась. Пассажиры устали волноваться. Голоса звучали реже, спокойнее. Лейтенант, двое ремесленников и ещё несколько человек продолжали искать гадюку, осторожно выдвигая из-под сидений чемода-

ны и мешки. Остальные изредка справлялись о том, как идут у них дела, и беседовали о ядовитых змеях вообще.

– Что вы мне рассказываете о кобрах! Кобры на юге живут.

– ...перевязать потуже руку, высосать кровь, потом прижечь калёным железом.

– Спасибо вам! «Калёным железом»!

Пожилая колхозница сетовала, ни к кому не обращаясь:

– Нешто я теперь за ними полезу!.. В сорок четвёртом мою свояченицу такая укусила. Две недели в больнице маялась.

Старичок в панаме сидел уже на третьей полке.

– Дёшево отделалась ваша свояченица. Укус гадюки бывает смертелен, – хладнокровно отозвался он.

– Есть! Тут она! – вскрикнул вдруг один из ремесленников.

Казалось, сам вагон облегчённо вздохнул и веселее застучал колесами.

– Нашли?

- Где «тут»?
- Бейте её скорей!

Присевшего на корточки ремесленника окружило несколько человек. Толкаясь, мешая друг другу, они заглядывали под боковое место, куда лейтенант светил фонариком.

- Под лавкой, говорите? – спрашивали их пассажиры.
- Ага! В самый угол заползла.
- Как же её достать?
- Трудненько!
- Ну, что вы стоите? Уйдёт!

Явился старший, и с ним девушка-проводница. Старший нагнулся и, не отрывая глаз от тёмного угла под лавкой, помахал проводнице отведенной в сторону рукой:

- Кочерёжку!.. Кочерёжку! Кочерёжку неси!

Проводница ушла. Вагон притих в ожидании развязки. Старичок в панаме, сидя на третьей полке, вынул часы:

– Через сорок минут Москва. Незаметно время прошло. Благодаря... гм... благодаря молодому человеку.

Кое-кто засмеялся. Все собравшиеся вокруг ремесленника посмотрели на Борю, словно только сейчас вспомнили о нём. Он стоял в сторонке, печальный, усталый, и медленно тёр друг о дружку испачканные ладони.

– Что, друг, пропали твои труды? – сказал лейтенант. – Охотился, охотился, бабушку вконец допёк, а сейчас этот дядя возьмёт да и ухлопает кочергой твоё наглядное пособие.

Боря поднял ладонь к самому носу и стал соскребать с неё грязь указательным пальцем.

– Жалко, охотник, а? – спросил ремесленник.

– Думаете, нет! – прошептал Боря.

Пассажиры помолчали.

– Похоже, и правда нехорошо выходит, – пробасил вдруг усатый рабочий. Он спокойно сидел на своём месте и курил, заложив ногу за ногу, глядя на носок испачканного глиной сапога.

– Что – нехорошо? – обернулся старший.

– Не для баловства малый её везёт. Убивать-то вроде как и неудобно.

– А что с ней прикажете делать? – спросил гражданин в пенсне.

– Поймать! «Что делать»! – ответил ремесленник. – Поймать и отдать охотнику.

Вошла проводница с кочергой. Вид у неё был воинственный.

– Тут ещё? Не ушла? Посветите кто-нибудь.

Лейтенант осторожно взял у неё кочергу:

– Товарищи, может, не будем, а? Помилуем гадюку?.. Посмотрите на мальчонку: ведь работал человек, трудился!

Озадаченные пассажиры молчали. Старший воззрился на лейтенанта и покраснел:

– Вам смех, товарищ, а нашего брата могут привлечь, если с пассажиром что случится!

– А убьёте гадюку, вас, папаша, за другое привлекут, – серьёзно сказал ремесленник.

– «Привлекут»... – протянула проводница. – За что это такое привлекут?

– За порчу школьного имущества, вот за что.

Кругом дружно захохотали, спорили. Одни говорили, что в школе всё равно не станут держать гадюку; другие утверждали, что держат, но под особым надзором учителя биологии; третьи соглашались со вторыми, но считали опасным отдавать гадюку Боре: вдруг он снова выпустит её в трамвае или в метро!

– Не выпущу я! Вот честное пионерское, не выпущу! – сказал Боря, глядя на взрослых такими глазами, что даже пожилая колхозница умилилась.

– Да не выпустит он! – затаила она жалостливо. – Чай, теперь учёный! Ведь тоже сочувствие надо иметь: другие ребяташки в каникулы бегают да резвятся, а он со своими гадами две недели мытарился.

– Н-да! Так сказать, уважение к чужому труду, – произнёс старичок в панаме.

Гражданин в пенсне поднял голову:

– Вы там философствуете. А проводили бы его до дому?

– Я? Гм!.. Собственно...

Лейтенант махнул рукой:

– Ну ладно! Я провожу... Где живёшь?

– На улице Чернышевского живу.

– Провожу. Скажи спасибо! Крюк из-за тебя делаю.

– Ну как, охотники, убили? – спросил кто-то с другого конца вагона.

– Нет. Помиловали, – ответил ремесленник.

Старший сурово обвёл глазами «охотников»:

– Дети малые! – Он обернулся к проводнице: – Совок неси. Совок под неё подсунем, а кочерёжкой прижмём. Неси!

– Дети малые! – повторила, удаляясь, проводница.

Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на этот раз очень солидно закрытая, стояла на коленях у лейтенанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сияющий.

До самой Москвы пассажиры вслух вспоминали свои ученические годы, и в вагоне было очень весело.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ
(1899-1951)

НИКИТА

Рано утром мать уходила со двора в поле на работу. А отца в семействе не было; отец давно ушёл на главную работу – на войну – и не вернулся оттуда. Каждый день мать ожидала, что отец вернётся, а его всё не было и нет. В избе и на всём дворе оставался хозяином один Никита, пяти лет от роду. Уходя, мать ему наказывала, чтобы Никита не сжёг двора, чтобы он собрал яйца от кур, которые они снесли по закутам и под плетнями, чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха и чтобы он ел в обед молоко с хлебом на столе, а к вечеру мать вернётся и тогда покормит его горячим ужином.

– Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету, – говорила мать. – Ты умный теперь, а тут всё добро наше – в избе и во дворе.

– Я умный, тут добро наше, а отца нету, – говорил Никита. – А ты приходи поскорее, мама, а то я боюсь.

– Чего ты боишься-то? На небе солнце светит, кругом в полях людно, ты не бойся, ты живи смирно один...

– Да, а солнце ведь далече, – отвечал Никита, – и его облако закроет.

Оставшись один, Никита обошёл всю тихую избу – горницу, затем другую комнату, где стояла русская печь, и вышел в сени. В сенях жужжали большие толстые мухи, паук дремал в углу посреди паутины, воробей пришёл пеший через порог и искал себе зёрнышко в жилой земле избы. Всех их знал Никита: и воробьёв, и пауков, и мух, и кур во дворе; они ему уже надоели, и от них ему было скучно. Он хотел теперь узнать то, чего он не знал. Поэтому Никита пошёл далее во двор и пришёл в сарай, где стояла в темноте пустая бочка. В ней, наверно, кто-нибудь жил, какой-нибудь маленький человек; днём он спал, а ночью выходил наружу, ел хлеб, пил воду и думал что-нибудь, а наутро опять прятался в бочку и спал.

– Я тебя знаю, ты там живёшь, – приподнявшись на ногах, сказал Никита сверху в тёмную гулкую бочку, а потом вдобавок постучал по ней кулаком. – Вставай, не спи, лодырь! Чего зимой есть будешь? Иди просо полоть, тебе трудовень дадут!

Никита прислушался. В бочке было тихо. «Помер он, что ль!» – подумал Никита. Но в бочке скрипнула её деревянная снасть, и Никита отошёл от греха. Он понял, что, значит, тамошний житель повернулся на бок либо хотел встать и погнаться за Никитой.

Но какой он был – тот, кто жил в бочке? Никита сразу представил его в уме. Это был маленький, а живой человек. Борода у него была длинная, она доставала до земли, когда он ходил ночью, и он нечаянно сметал ею сор и солому, отчего в сарае оставались чистые стежки.

У матери недавно пропали ножницы. Это он, должно быть, взял ножницы, чтобы обрезать себе бороду.

– Отдай ножницы! – тихо попросил Никита. – Отец

придёт с войны – всё одно отымет, он тебя не боится. Отдай!

Бочка молчала. В лесу, далеко за деревней, кто-то ухнул, и в бочке тоже ответил ему чёрным страшным голосом маленький житель: я тут!

Никита выбежал из сарая во двор. На небе светило доброе солнце, облака не застили его сейчас, и Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его.

– Там житель в бочке живёт! – сказал Никита, смотря на небо.

Доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ тёплым лицом. Никита увидел, что солнце было похоже на умершего дедушку, который всегда был ласков к нему и улыбался, когда был живой и смотрел на него. Никита подумал, что дедушка стал теперь жить на солнце.

– Дедушка, ты где, ты там живёшь? – спросил Никита.
– Живи там, а я тут буду, я с мамой.

За огородом, в зарослях лопухов и крапивы, находился колодец. Из него уже давно не брали воду, потому что в колхозе вырыли другой колодец с хорошей водой.

В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме, была видна светлая вода с чистым небом и облаками, идущими под солнцем. Никита наклонился через сруб колодца и спросил:

– Вы чего там?

Он думал, что там живут на дне маленькие водяные люди. Он знал, какие они были, он их видел во сне и, проснувшись, хотел их поймать, но они убежали от него по траве в колодец, в свой дом. Ростом они были с воробья, но толстые, безволосые, мокрые и вредные, они, должно быть, хотели у Никиты выпить глаза, когда он спал.

– Я вам дам! – сказал в колодец Никита. – Вы зачем тут живёте?

Вода в колодце вдруг замутилась, и оттуда кто-то чавкнул пастью. Никита открыл рот, чтобы вскрикнуть, но голос его вслух не прозвучал, он занемел от страха; у него только дрогнуло и приостановилось сердце.

«Здесь ещё великан живёт и его дети!» – понял Никита.

– Дедушка! – поглядев на солнце, крикнул он вслух. – Дедушка, ты там? – И Никита побежал назад к дому.

У сарая он опомнился. Под плетнёвую стену сарая уходили две земляные норы. Там тоже жили тайные жители. А кто они такие были? Может быть, змеи! Они выползут ночью, приползут в избу и ужалят мать во сне, и мать умрёт.

Никита побежал скорее домой, взял там два куска хлеба со стола и принёс их.

Он положил у каждой норы хлеб и сказал змеям:

– Змеи, ешьте хлеб, а к нам ночью не ходите.

Никита оглянулся. На огороде стоял старый пень. Посмотрев на него, Никита увидел, что это голова человека. У пня были глаза, нос и рот, и пень молча улыбался Никите.

– Ты тоже тут живёшь? – спросил мальчик. – Вылезай к нам в деревню, будешь землю пахать.

Пень крикнул в ответ, и лицо его стало сердитое.

– Не вылезай, не надо, живи лучше там! – сказал Никита, испугавшись.

Во всей деревне было тихо сейчас, никого не слышать. Мать в поле далеко, до неё добежать не успеешь. Никита ушёл от сердитого пня в сени избы. Там было не страшно, там мать недавно дома была. В избе стало теперь жарко. Никита хотел испить молока, что оставила ему мать, но, посмотрев на стол, он заметил, что стол – это тоже человек, только на четырёх ногах, а рук у него нету.

Никита вышел в сени на крыльцо. Вдалеке за огородом и колодцем стояла старая баня. Она топилась по-чёрному, и мать говорила, что в ней дедушка любил купаться, когда ещё живым был. Банька была старая и омшелая вся, скучная избушка.

«Это бабушка наша, она не померла, она избушкой стала! – в страхе подумал Никита о дедушкиной бане. – Ишь, живёт себе, вон у ней: голова есть – это не труба, а голова – и рот щербатый в голове. Она нарочно баня, а по правде тоже человек! Я вижу!»

Чужой петух вошёл во двор с улицы. Он был похож по лицу на знакомого худого пастуха с бородкой, который по весне утонул в реке, когда хотел переплыть её в половодье, чтобы идти гулять на свадьбу в чужую деревню.

Никита порешил, что пастух не захотел быть мёртвым и стал петухом; значит, петух этот – тоже человек, только тайный. Везде есть люди, только кажутся они не людьми.

Никита наклонился к жёлтому цветку. Кто он был? Вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно в

круглом его личике являлось человеческое выражение, и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнущий живым дыханием.

– А я думал, ты правда цвет! – сказал Никита. – А дай я посмотрю – что у тебя внутри, есть у тебя кишки?

Никита сломал стебель – тело цветка – и увидел в нём молоко.

– Ты маленький ребёнок был, ты мать свою сосал! – удивился Никита.

Он пошёл к старой бане.

– Бабушка! – тихо сказал ей Никита.

Но щербатое лицо бабушки гневно ощерилось на него, как на чужого.

«Ты не бабушка, ты другая!» – подумал Никита.

Колья из плетня смотрели на Никиту, как лица многих неизвестных людей. И каждое лицо было незнакомое и не любило его: одно сердито ухмылялось, другое злобно ду-

мало что-то о Никите, а третий кол опирался иссохшими руками-ветвями о плетень и собирался вовсе вылезти из плетня, чтобы погнаться за Никитой.

– Вы зачем тут живёте? – сказал Никита. – Это наш двор!

Но незнакомые, злобные лица людей отовсюду неподвижно и зорко смотрели на Никиту. Он глянул на лопухи – они должны быть добрыми. Однако и лопухи сейчас угрюмо покачивали большими головами и не любили его.

Никита лёг на землю и прильнул к ней лицом. Внутри земли гудели голоса, там, должно быть, жили в тесной тьме многие люди, и слышно было, как они корябаются руками, чтобы вылезти оттуда на свет солнца. Никита поднялся в страхе, что везде кто-то живёт и отовсюду глядят на него чужие глаза, а кто не видит его, тот хочет выйти к нему из-под земли, из норы, из чёрной застрехи сарая. Он обернулся к избе. Изба смотрела на него, как проходящая старая тётка из дальней деревни, и шептала ему: «У-у, непутёвые, нарожали вас на свет – хлеб пшеничный даром жевать».

– Мама, иди домой! – попросил Никита далёкую мать. – Пускай тебе половину трудодня запишут. К нам во двор чужие пришли и живут. Прогони их!

Мать не услышала сына. Никита пошёл за сарай, он хотел поглядеть, не вылезает ли пень-голова из земли; у пня рот большой, он всю капусту на огороде поест, из чего тогда мать будет щи варить зимой?

Никита издали робко посмотрел на пень в огороде. Су-мрачное, нелюдимое лицо, обросшее морщинистой корой, неморгающими глазами глянуло на Никиту.

И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул:

– Максим, ты где?

– В земле! – глухо отозвался пень-голова.

Никита обернулся, чтобы бежать к матери в поле, но упал. Он занемог от страха; ноги его стали теперь как чу-

жие люди и не слушались его. Тогда он пополз на животе, словно был ещё маленький и не мог ходить.

– Дедушка! – прошептал Никита и посмотрел на доброе солнце на небе.

Облако застало свет, и солнца теперь не было видно.

– Дедушка, иди опять к нам жить!

Дедушка-солнце показался из-за облака, будто дед сразу отвёл от своего лица тёмную тень, чтобы видеть своего ослабевшего внука, ползшего по земле. Дед теперь смотрел на него; Никита подумал, что дед видит его, поднялся на ноги и побежал к матери.

Он бежал долго. Он пробежал по пыльной пустой дороге всю деревенскую улицу, потом утомился и сел в тени овина на околице.

Никита сел не надолго. Но он нечаянно опустил голову к земле, уснул и очнулся лишь навечер. Новый пастух гнал колхозное стадо. Никита пошёл было далее, в поле к матери, однако пастух сказал ему, что уже время позднее и мать Никиты давно ушла с поля ко двору.

Дома Никита увидел мать. Она сидела за столом и смотрела, не отводя глаз, на старого солдата, который ел хлеб и пил молоко.

Солдат поглядел на Никиту, потом поднялся с лавки и взял его к себе на руки. От солдата пахло теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землёй. Никита оробел и молчал.

– Здравствуй, Никита, – сказал солдат. – Ты уж давно позабыл меня, ты грудной ещё был, когда я поцеловал тебя и ушёл на войну. А я-то помню тебя, умирал и помнил.

– Это твой отец домой пришёл, Никитушка, – сказала мать и утёрла передником слёзы с лица.

Никита осмотрел отца – лицо его, руки, медаль на груди и потрогал ясные пуговицы на его рубашке.

– А ты опять не уйдёшь от нас?

– Нет, – произнёс отец. – Теперь уж век буду с тобой

вековать. Врага-неприятеля мы погубили, пора о тебе с матерью думать...

Наутро Никита вышел во двор и сказал вслух всем, кто жил во дворе, – и лопухам, и сараю, и кольям в плетне, и пню-голове в огороде, и дедушкиной бане:

– К нам отец пришёл. Он век будет с нами вековать.

Во дворе все молчали: видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землёй было тихо, никто не корябался от-туда наружу, на свет.

– Иди ко мне, Никита. Ты с кем там разговариваешь?

Отец был в сарае. Он осматривал и пробовал руками топоры, лопаты, пилу, рубанок, тиски, верстак и разные железки, что были в хозяйстве.

Отделавшись, отец взял Никиту за руку и пошёл с ним по двору, оглядывая, где, что и как стояло, что было цело, а что погнило, что было нужно и что нет.

Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни. Колья в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мёртвыми, а дедушкина баня была сопревшим домиком, уходящим от старости лет в землю. Никита даже пожалел сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше её не будет.

Отец сходил в сарай за топором и стал колоть на дрова ветхий пень на огороде. Пень сразу начал разваливаться, он сотлел насквозь, и его сухой прах дымом поднялся из-под отцовского топора.

Когда пня-голова не стало, Никита сказал отцу:

– А тебя не было, он слова говорил, он был живой. Под землёй у него пузо и ноги есть.

Отец провёл сына домой в избу.

– Нет, он давно умер, – сказал отец. – Это ты хочешь всех сделать живыми, потому что у тебя доброе сердце. Для тебя и камень живой, и на луне покойная бабушка снова живёт.

– А на солнце бабушка! – сказал Никита.

Днём отец стругал доски в сарае, чтобы перестелить заново пол в избе, а Никите он тоже дал работу – выпрямлять молотком кривые гвоздики.

Никита с охотой, как большой, начал работать молотком. Когда он выпрямил первый гвоздь, он увидел в нём маленького доброго человечка, улыбавшегося ему из-под своей железной шапки. Он показал его отцу и сказал ему:

– А отчего другие злые были – и лопух был злой, и пень-голова, и водяные люди, а этот добрый человек?

Отец погладил светлые волосы сына и ответил ему:

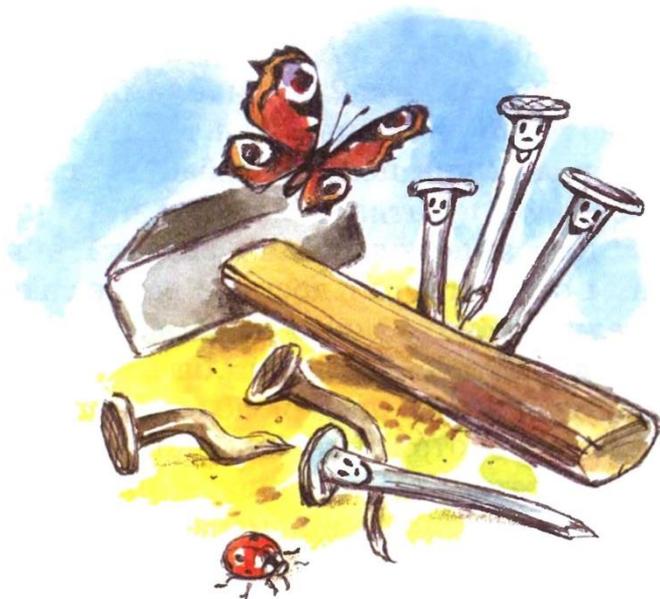
– Тех ты выдумал, Никита, их нету, они непрочные, от-

того они и злые. А этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый.

Никита задумался.

– Давай всё трудом работать, и все живые будут.

– Давай, сынок, – согласился отец. Отец верил, что Никита останется добрым на весь свой долгий век.

Мир вокруг нас

МИХАИЛ ПРИШВИН
(1873-1954)

« ИЗОБРЕТАТЕЛЬ »

В одном болоте, на кочке под ивой, вывелись дикие кряковые утята. Вскоре после этого мать повела их к озеру по коровьей тропе. Я заметил их издали, спрятался за дерево, и утята подошли к самым моим ногам. Трёх из них я взял себе на воспитание, остальные шестнадцать пошли дальше по коровьей тропе.

Подержал я у себя этих чёрных утят, и стали они вскоре все серыми. После из серых вышел один красавец, разноцветный селезень, и две уточки: Дуся и Муся. Мы им крылья подрезали, чтобы не улетели, и жили они у нас на дворе вместе с домашними птицами: куры были у нас и гуси.

С наступлением новой весны устроили мы своим дикарям из всякого хлама в подвале кочки, как на болоте, и на них гнёзда.

Дуся положила себе в гнездо шестнадцать яиц и стала высидывать утят. Муся положила четырнадцать, но сидеть на них не захотела. Как мы ни бились, пустая голова не захотела быть матерью.

И мы посадили на утиные яйца нашу важную чёрную курицу – Пиковую Даму.

Пришло время, вывелись наши утята. Мы их некоторое время подержали на кухне, в тепле, крошили им яйца, ухаживали.

Через несколько дней наступила очень хорошая, тёплая погода, и Дуся повела своих чёрненьких к пруду, и Пиковая Дама своих – в огород, за червями.

«Свись-свись!» – утята в пруду.

«Кряк-кряк!» – отвечает им утка.

«Свись-свись!» – утята в огороде.

«Квох-квох!» – отвечает им курица.

Утята, конечно, не могут понять, что значит «квох-квох», а что слышится с пруда, это им хорошо известно.

«Свись-свись!» – это значит: «Свой к своим!»

А «кряк-кряк» – значит: «Вы – утки, вы – кряквы, скорей плывите!»

И они, конечно, глядят туда, к пруду.

«Свой к своим!»

И бегут.

«Плывите, плывите!»

И плывут.

«Квох-квох!» – упирается важная птица-курица на берегу.

Они всё плывут и плывут. Сосвистались, сплылись, радостно приняла их в свою семью Дуся; по Мусе они были ей родные племянники.

Весь день большая сборная утиная семья плавала на прудике, и весь день Пиковая Дама, распушённая, сердитая, квохтала, ворчала, копала ногой червей на берегу, старалась привлечь червями утят и квохтала им о том, что уж очень-то много червей, таких хороших червей!

«Дрянь-дрянь!» – отвечала ей кряква.

А вечером она всех своих утят провела одной длинной верёвочкой по сухой тропинке. Под самым носом важной птицы прошли они, чёрненькие, с большими утиными носами; ни один даже на такую мать и не поглядел.

Мы всех их собрали в одну высокую корзинку и оставили ночевать в тёплой кухне возле плиты.

Утром, когда мы ещё спали, Дуся вылезла из корзинки, ходила вокруг по полу, кричала, вызывала к себе утят. В тридцать голосов ей на крик отвечали свистуны. На утиный крик стены нашего дома, сделанного из звонкого соснового леса, отзывались по-своему. И всё-таки в этой кухне мы слышали отдельно голос одного утёнка.

– Слышите? – спросил я своих ребят.

Они прислушались.

– Слышим! – закричали. И пошли в кухню.

Там, оказалось, Дуся была не одна на полу. С ней рядом бегал один утёнок, очень беспокоился и непрерывно свистел. Этот утёнок, как и все другие, был ростом с небольшой огурец. Как же мог такой-то воин перелезть стену корзинки высотой сантиметров в тридцать?

Стали все мы об этом догадываться, и тут явился новый вопрос: сам утёнок придумал себе какой-нибудь способ выбраться из корзинки вслед за матерью или же она случайно задела его каким-нибудь своим крылом и выбросила? Я перевязал ножку этого утёнка ленточкой и пустил в общее стадо.

Переспали мы ночь, и утром, как только раздался в доме утиный утренний крик, мы – в кухню.

На полу вместе с Дусей бегал утёнок с перевязанной лапкой.

Все утята, заключённые в корзине, свистели, рвались на волю и не могли ничего сделать. Этот выбрался.

Я сказал:

– Он что-то придумал.

– Он изобретатель! – крикнул Лёва.

Тогда я задумал посмотреть, каким же способом этот «изобретатель» решает труднейшую задачу: на своих утиных перепончатых лапках подняться по отвесной стене. Я встал на следующее утро до свету, когда и ребята мои и

утята спали непробудным сном. В кухне я сел возле выключателя, чтобы сразу, когда надо будет, дать свет и рассмотреть события в глубине корзины.

И вот побелело окно. Стало светать.

«Кряк-кряк!» – проговорила Дуся.

«Свись-свись!» – ответил единственный утёнок.

И всё замерло. Спали ребята, спали утята.

Раздался гудок на фабрике. Свету прибавилось.

«Кряк-кряк!» – повторила Дуся.

Никто не ответил. Я понял: «изобретателю» сейчас некогда – сейчас, наверно, он и решает свою труднейшую задачу. И я включил свет.

Ну, так вот я и знал! Утка ещё не встала, и голова её ещё была вровень с краем корзины. Все утята спали в тепле под матерью, только один, с перевязанной лапкой, вылез и по перьям матери, как по кирпичикам, взбирался вверх, к ней на спину. Когда Дуся встала, она подняла его высоко, на уровень с краем корзины. По её спине утёнок, как мышь, пробежал до края – и кувырк вниз! Вслед за ним мать тоже вывалилась на пол, и началась обычная утренняя кутерьма: крик, свист на весь дом.

Дня через два после этого утром на полу появилось сразу три утёнка, потом пять, и пошло, и пошло: чуть только крякнет утром Дуся, все утята к ней на спину и потом валяются вниз.

А первого утёнка, проложившего путь для других, мои дети так и прозвали Изобретателем.

БОРИС ЖИТКОВ
(1882-1938)

ПРО ОБЕЗЬЯНКУ

Мне было двенадцать лет, и я учился в школе. Раз на перемене подходит ко мне товарищ мой Юхименко и говорит:

– Хочешь, я тебе обезьянку дам?

Я не поверил – думал, он мне сейчас шутку какую-нибудь устроит так, что искры из глаз посыплются, и скажет: «Вот это и есть «обезьянка». Не таковский я.

– Ладно, – говорю, – знаем.

– Нет, – говорит, – в самом деле. Живую обезьянку. Она хорошая. Её Яшкой зовут. А папа сердится.

– На кого?

– Да на нас с Яшкой. Убирай, говорит, куда знаешь. Я думаю, что к тебе всего лучше.

После уроков пошли мы к нему. Я всё ещё не верил. «Неужели, думал, живая обезьянка у меня будет?» И всё спрашивал, какая она. А Юхименко говорит:

– Вот увидишь, не бойся, она маленькая.

Действительно, оказалась маленькая.

Если на лапки встанет, то не больше полуаршина. Мордочка сморщенная, старушечья, а глазки живые, блестящие. Шерсть на ней рыжая, а лапки чёрные. Как будто человечьи руки в перчатках чёрных. На ней был надет синий жилет.

Юхименко закричал:

– Яшка, Яшка, иди! Что я дам!

И засунул руку в карман. Обезьянка закричала: «Ай, ай!» – и в два прыжка вскочила Юхименке на руки. Он сейчас же сунул её в шинель, за пазуху.

– Идём, – говорит.

Я глазам своим не верил. Идём по улице, несём такое чудо, и никто не знает, что у нас за пазухой.

Дорогой Юхименко мне говорил, чем кормить:

– Всё ест, всё давай. Сладкое любит. Конфеты – беда. Дорвётся – непременно обожрётся. Чай любит жидкий и чтоб сладкий был. Ты ей внакладку. Два куска. Вприкуску не давай: сахар сожрёт, а чай пить не станет.

Я всё слушал и думал: я ей и трёх кусков не пожалею, миленькая такая, как игрушечный человек. Тут я вспомнил, что и хвоста у ней нет.

– Ты, – говорю, – хвост отрезал ей под самый корень?

– Она макака, – говорит Юхименко, – у них хвостов не растёт.

Пришли мы к нам домой. Мама и девочки сидели за обедом. Мы с Юхименкой вошли прямо в шинелях.

Я говорю:

– А кто у нас есть!

Все обернулись. Юхименко распахнул шинель. Никто еще ничего разобрать не успел, а Яшка как прыгнет с Юхименки маме на голову; толкнулся ножками – и на буфет. Всю причёску маме осадил.

Все вскочили, закричали:

– Ой, кто, кто это?

А Яшка уселся на буфет и строит морды, чавкает, зубки скалит.

Юхименко боялся, что сейчас ругать его будут, и скорей к двери. На него и не смотрели – все глядели на обезьянку. И вдруг девочки все в один голос затянули:

– Какая хорошенькая!

А мама всё прическу прилаживала.

– Откуда это?

Я оглянулся. Юхименки уже нет. Значит, я остался хозяином. И я захотел показать, что знаю, как с обезьянкой надо. Я засунул руку в карман и крикнул, как давеча Юхименко:

– Яшка, Яшка! Иди, я тебе что дам!

Все ждали. А Яшка и не глянул – стал чесаться медленно и часто чёрной лапочкой.

До самого вечера Яшка не спускался вниз, а прыгал по верхам: с буфета на дверь, с двери на шкаф, оттуда на печку.

Вечером отец сказал:

– Нельзя её на ночь так оставлять, она квартиру вверх дном переверотит.

И я начал ловить Яшку. Я к буфету – он на печь. Я его оттуда щёткой – он прыг на часы. Качнулись часы и стали. А Яшка уже на занавесках качается. Оттуда – на картину, картина покосилась, – я боялся, что Яшка кинется на висячую лампу.

Но тут уже все собрались и стали гоняться за Яшкой. В него кидали мячиком, катушками, спичками и наконец загнали в угол.

Яшка прижался к стене, оскалился и защёлкал языком – пугать начал. Но его накрыли шерстяным платком и завернули, запутали.

Яшка барахтался, кричал, но его скоро укрутили так, что осталась торчать одна голова. Он вертел головой, хлопал глазами и, казалось, сейчас заплачет от обиды.

Не пеленать же обезьяну каждый раз на ночь! Отец сказал:

– Привязать. За жилет – и к ножке, к столу.

Я принёс верёвку, нащупал у Яшки на спине пуговицу, продел верёвку в петлю и крепко завязал. Жилет у Яшки на спине застёгивался на три пуговики. Потом я поднёс Яшку, как он был, закутанного, к столу, привязал верёвку к ножке и только тогда размотал платок.

Ух, как он начёт скакать! Но где ему было порвать верёвку! Он покричал, позлился и сел печально на полу.

Я достал из буфета сахару и дал Яшке. Он схватил чёрной лапочкой кусок, заткнул за щёку. От этого вся мордочка у него скривилась.

Я попросил у Яшки лапу. Он протянул мне свою ручку.

Тут я рассмотрел, какие на ней хорошенькие чёрные ноготки. Игрушечная живая ручка. Я стал гладить лапку и думаю: совсем как ребёночек. И пощекотал ему ладошку. А ребёночек-то как дёрнет лапку – раз, и меня по щеке. Я и мигнуть не успел, а он надавал мне оплеух и прыг под стол. Сел и скалится. Вот и ребёночек!

Но тут меня погнало спать.

Я хотел Яшку привязать к своей кровати, но мне не позволили. Я всё прислушивался, что Яшка делает, и думал, что непременно ему надо устроить кроватку, чтоб он спал, как люди, и укрывался одеяльцем. Голову бы клал на подушечку. Думал, думал и заснул.

Утром вскочил и, не одеваясь, к Яшке. Нет Яшки на верёвке. Верёвка есть, на верёвке жилет привязан, а обезьянки нет. Смотрю, все три пуговицы сзади расстёгнуты. Это он расстегнул жилет, оставил его на верёвке, а сам драла. Я искать по комнате. Шлёпаю босыми ногами. Нигде нет.

Я перепугался. А ну как убежал? Дня не пробыл, и вот на тебе! Я на шкафы заглядывал, в печку – нигде. Убежал, значит, на улицу. А на улице мороз – замёрзнет, бедный. И

самому стало холодно. Побежал одеваться. Вдруг вижу: в моей же кровати что-то возится. Одеяло шевелится. Я даже вздрогнул. Вот он где! Это ему холодно на полу стало, он удрал и ко мне на кровать. Забился под одеяло. А я спал и не знал. Яшка спросонья не дичился, дался в руки, и я напялил на него снова синий жилет.

Когда сели пить чай, Яшка вскочил на стол, огляделся, сейчас же нашёл сахарницу, запустил лапу и прыг на дверь. Он прыгал так легко, что казалось – летает, не прыгает. На ногах у обезьяны пальцы, как на руках, и Яшка мог хватать ногами. Он так и делал. Сидит, как ребёнок, на руках у кого-нибудь и ручки сложил, а сам ногой со стола тянет что-нибудь.

Стащит ножик и ну с ножом скакать. Это чтобы у него отнимали, а он будет удирать. Чай Яшке дали в стакане. Он обнял стакан, как ведро, пил и чмокал. Я уж не пожалел сахару.

Когда я ушёл в школу, я привязал Яшку к дверям, к ручке. На этот раз обвязал его вокруг пояса верёвкой, чтобы уж не мог сорваться. Когда я пришёл домой, то из прихожей увидел, чем Яшка занимается. Он висел на дверной ручке и катался на дверях, как на карусели. Оттолкнётся от косяка и едет до стены. Пихнёт ножкой в стену и едет назад.

Когда я сел готовить уроки, я посадил Яшку на стол. Ему очень нравилось греться около лампы. Он дремал, как старичок на солнышке, покачивался и, прищурясь, глядел, как я тыкаю пером в чернила. Учитель у нас был строгий, и я чистенько написал страницу. Промокать не хотелось, чтобы не испортить. Оставил сохнуть. Прихожу и вижу: сидит Яков на тетради, макает пальчик в чернильницу, ворчит и выводит чернильные вавилоны по моему писанью. Ах ты дрянь! Я чуть не заплакал с горя. Бросился на Яшку. Да куда! Он на занавески – все занавески чернилами перепачкал. Вот оно почему Юхименкин папа на них с Яшкой сердился...

Но раз и мой папа рассердился на Яшку. Яшка обрывал цветы, что стояли у нас на окнах. Сорвёт лист и дразнит. Отец поймал и отдул Яшку. А потом привязал его в наказание на лестнице, что вела на чердак. Узенькая лесенка. А широкая шла из квартиры вниз.

Вот отец идёт утром на службу. Почистился, надел шляпу, спускается по лестнице. Хлоп! Штукатурка падает. Отец остановился, стряхнул со шляпы. Глянул вверх – никого. Только пошёл – хлоп, опять кусок извёстки прямо на голову. Что такое?

А мне сбоку было видно, как орудовал Яшка. Он наломал от стенки извёстки, разложил по краям ступенек, а сам прилёг, притаился на лестнице, как раз у отца над головой. Только отец пошёл, а Яшка тихонечко толк ножкой штукатурку со ступеньки и так ловко примерил, что прямо отцу на шляпу, – это он ему мстил за то, что отец вздул его накануне.

Но когда началась настоящая зима, завыл ветер в трубах, завалило окна снегом, Яшка стал грустным. Я его всё грел, прижимал к себе. Мордочка у Яшки стала печальная,

обвисшая, он подвизгивал и жался ко мне. Я попробовал сунуть его за пазуху, под куртку. Яшка сейчас же там устроился: он схватился всеми четырьмя лапками за рубашку и так повис, как приклеился. Он так и спал там, не разжимая лап. Забудешь другой раз, что у тебя живой набрюшник под курткой, и обопрёшься о стол. Яшка сейчас лапкой заскребёт мне бок: даёт мне знать, чтоб осторожней.

Вот раз в воскресенье пришли в гости девочки. Сели завтракать. Яшка смиренно сидел у меня за пазухой, и его совсем не было заметно. Под конец роздали конфеты. Только я стал первую разворачивать, вдруг из-за пазухи, прямо из моего живота, вытянулась мохнатая ручка, ухватила конфету и назад. Девочки взвизгнули от страха. А это Яшка услышал, что бумагой шелестят, и догадался, что едят конфеты. А я девочкам говорю: «Это у меня третья рука; я этой рукой прямо в живот конфеты сую, чтоб долго не возиться». Но уж все догадались, что это обезьянка, и из-под куртки слышно было, как хрустит конфета: это Яшка грыз и чавкал, как будто я животом жую.

Яшка долго злился на отца. Примирился Яшка с ним из-за конфет. Отец мой как раз бросил курить и вместо папирос носил в портсигаре маленькие конфетки. И каждый раз после обеда отец открывал тугую крышку портсигара большим пальцем, ногтем, и доставал конфетки. Яшка тут как тут: сидит на коленях и ждёт, — ёрзает, тянется. Вот отец раз и отдал весь портсигар Яшке. Яшка взял его в руку, а другой рукой, совершенно как мой отец, стал подковыривать большим пальцем крышку. Пальчик у него маленький, а крышка тугая и плотная, и ничего не выходит у Яшеньки. Он завыл с досады.

А конфеты брякают. Тогда Яшка схватил отца за большой палец и его ногтем, как стамеской, стал отковыривать крышку. Отца это рассмешило, он открыл крышку и поднёс Яшке. Яшка сразу запустил лапу, нагребастал

полную горсть, скорей в рот и бегом прочь. Не каждый же день такое счастье!

Был у нас знакомый доктор. Болтать любил – беда. Особенно за обедом. Все уж кончили, у него на тарелке всё остыло, тогда он только хватится – поковыряет, наспех глотнёт два куска.

– Благодарю вас, я сыт.

Вот раз обедает он у нас, ткнул вилку в картошку и вилкой этой размахивает – говорит. Разошёлся – не унять. А Яшка, вижу, по спинке стула поднимается, тихонечко подкрался и сел у доктора за плечом. Доктор говорит:

– И понимаете, тут как раз... – И остановил вилку с картошкой возле уха – на один момент всего.

Яшенька лапочкой тихонько за картошку и снял её с вилки – осторожно, как вор. А доктор дальше:

– И представьте себе... – И тык пустой вилкой себе в рот. Сконфузился – думал, стряхнул картошку, когда руками махал, оглядывается.

А Яшки уж нет – сидит в углу и прожевать картошку не может, всю глотку забил.

Доктор сам смеялся, а всё-таки обиделся на Яшку.

Яшке устроили в корзинке постель: с простынёй, одеяльцем, подушкой. Но Яшка не хотел спать по-человечьи: всё наматывал на себя клубком и таким чучелом сидел всю ночь. Ему сшили платьице, зелёненькое, с пелеринкой, и стал он похож на стриженую девочку из приюта.

Вот раз я слышу звон в соседней комнате. Что такое? Пробираюсь тихонько и вижу: стоит на подоконнике Яшка в зелёном платьице, в одной руке у него ламповое стекло, а в другой ёжик, и он ёжиком с остервенением чистит стекло. В такую ярость пришёл, что не слышал, как я вошёл. Это он видел, как стёкла чистили, и давай сам пробовать.

А то оставишь его вечером с лампой, он отвернёт огонь полным пламенем – лампа коптит, сажа летает по комнате, а он сидит и рычит на лампу.

Беда стало с Яшкой, хоть в клетку сажай. Я его и ругал

и бил. Но долго не мог на него сердиться. Когда Яшка хотел понравиться, он становился очень ласковым, залезал на плечо и начинал в голове искать. Это значит – он вас уж очень любит.

Надо ему выпросить что-нибудь – конфет там или яблоко, – сейчас залезет на плечо и заботливо начинает лапками перебирать в волосах: ищет и ноготком поскрёбывает. Ничего не находит, а делает вид, что поймал зверя: выкусывает с пальчиков чего-то.

Вот раз пришла к нам в гости дама. Она считала, что она раскрасавица. Разряженная. Вся так шёлком и шуршит. На голове не причёска, а прямо целая беседка из волос накручена – в завитках, в локончиках. А на шее на длинной цепочке зеркальце в серебряной оправе.

Яшка осторожно к ней по полу подскочил.

– Ах, какая обезьянка миловидная! – говорит дама. И давай зеркальцем с Яшкой играть.

Яшка поймал зеркальце, повертел – прыг на колени к даме и стал зеркальце на зуб пробовать.

Дама отняла зеркальце, зажала в руке. А Яшке хочется зеркало получить. Дама погладила небрежно Яшку перчаткой и потихоньку спихивает с колен. Вот Яшка и решил понравиться, подольститься к даме. Прыг ей на плечо. Крепко ухватился за кружева задними лапками и взялся за причёску. Раскопал завитки и стал искать. Дама покраснела.

– Пошёл, пошёл! – говорит.

Не тут-то было! Яшка ещё больше старается: скребёт ноготками, зубками щёлкает.

Дама эта всегда против зеркала садилась, чтоб на себя полюбоваться, и видит в зеркало, что взлохматил её Яшка, – чуть не плачет. Я двинулся на выручку. Куда там! Яшка вцепился что было силы в волосы и на меня смотрит дико. Дама дёрнула его за шиворот, и своротил ей Яшка причёску.

Глянула на себя в зеркало – чучело чучелом. Я замахнулся, спугнул Яшку, а гостя наша схватилась за голову и в дверь.

– Безобразие, – говорит, – безобразие! – И не попрощалась ни с кем.

«Ну, – думаю, – держу до весны и отдам кому-нибудь, если Юхименко не возьмёт. Уж столько мне попадало за эту обезьянку».

И вот настала весна. Потеплело. Яшка ожил и ещё больше проказил. Очень ему хотелось на двор, на волю. А двор у нас был огромный, с десятину. Посреди двора был сложен горой казённый уголь, а вокруг склады с товаром. И от воров сторожа держали на дворе целую свору собак. Собаки большие, злые. А всеми собаками командовал рыжий пёс Каштан. На кого Каштан зарычит, на того все собаки бросаются. Кого Каштан пропустит, и собаки не тронут. А чужую собаку бил Каштан с разбегу грудью. Уда-

рит, с ног собьёт и стоит над ней, рычит, а та уж и шелохнуться боится.

Я посмотрел в окно – вижу, нет собак во дворе. Дай, думаю, пойду, выведу Яшеньку погулять первый раз. Я надел на него зелёненькое платьице, чтобы он не простудился, посадил к себе на плечо и пошёл. Только я двери раскрыл, Яшка – прыг наземь и побежал по двору. И вдруг, откуда ни возьмись, вся стая собачья, и Каштан впереди, прямо на Яшку. А он, как зелёненькая куколка, стоит маленький. Я уж решил, что пропал Яшка – сейчас разорвут. Каштан сунулся к Яшке. Но Яшка повернулся к нему, присел, прицелился. Каштан стал за шаг от обезьянки, оскалился и ворчал, но не решался броситься на такое чудо. Собаки все ощетинились и ждали, что Каштан.

Я хотел броситься выручать. Но вдруг Яшка прыгнул и в один момент уселся Каштану на шею. И тут шерсть ключьями полетела с Каштана. По морде и глазам бил Яшка, так что лап не видно было. Взвыл Каштан, и таким ужасным голосом, что все собаки врассыпную бросились. Каштан сломя голову пустился бежать, а Яшка сидит, вцепился ногами в шерсть, крепко держится, а руками рвёт Каштана за уши, щиплет шерсть ключьями.

Каштан с ума сошёл: носится вокруг угольной горы с диким воем. Раза три обежал Яшка верхом вокруг двора и на ходу спрыгнул на уголь. Взобрался не торопясь на самый верх. Там была деревянная будка; он влез на будку, уселся и стал чесать себе бок как ни в чём не бывало. Вот, мол, я, – мне нипочём!

А Каштан – в ворота от страшного зверя.

С тех пор я смело стал выпускать Яшку во двор: только Яшка с крыльца – все собаки в ворота. Яшка никого не боялся.

Приедут во двор подводы, весь двор забьют, пройти негде. А Яшка с возу на воз перелетает. Вскочит лошади на спину – лошадь топчется, гривой трясёт, фыркает, а

Яшка не спеша на другую перепрыгивает. Извозчики только смеются и удивляются:

– Смотри, какая сатана прыгает. Ишь ты! У-ух!

А Яшка – на мешки. Ищет щёлочки. Просунет лапку и щупает, что там. Нашупает, где подсолнухи, сидит и тут же на возу щёлкает. Бывало, что и орехи нашупает Яшка. Набьёт за щёки и во все четыре руки старается нагрести.

Но вот нашёлся у Якова враг. Да какой! Во дворе был кот. Ничей. Он жил при конторе, и все его кормили объедками. Он разжирел, стал большой, как собака. Злой был и царапучий.

И вот раз под вечер гулял Яшка по двору. Я его никак не мог дозваться домой.

Вижу, вышел на двор котище и прыг на скамью, что стояла под деревом. Яшка как увидел кота – прямо к нему. Присел и идёт не спеша на четырёх лапах. Прямо к скамье и глаз с кота не спускает. Кот подобрал лапы, спину нагорбил, приготовился. А Яшка всё ближе ползёт. Кот глаза вытаращил, пятится. Яшка – на скамью. Кот всё задом на другой край, к дереву. У меня сердце замерло. А Яков по скамье ползёт на кота. Кот уж в комок сжался, подобрался весь. И вдруг – прыг, да не на Яшку, а на дерево. Вцепился за ствол и глядит сверху на обезьянку. А Яшка всё тем же ходом к дереву. Кот поцарапался выше – привык на деревьях спасаться. А Яшка на дерево, и всё не спеша, целится на кота чёрными глазками. Кот выше, выше, влез на ветку и сел с самого краю. Смотрит, что Яшка будет делать. А Яков по той же ветке ползёт и так уверенно, будто он сроду ничего другого не делал, а только котов ловил. Кот уж на самом краю, на тоненькой веточке еле держится, качается. А Яков ползёт и ползёт, цепко перебирает всеми четырьмя ручками. Вдруг кот прыг с самого верха на мостовую, встряхнулся и во весь дух прочь без оглядки. А Яшка с дерева ему вдогонку: «Пай, йау!» – каким-то страшным, звериным голосом, – я у него никогда такого не слышал.

Теперь уж Яков стал совсем царём во дворе. Дома он

уж есть ничего не хотел, только пил чай с сахаром. И раз так на дворе изюму наелся, что еле-еле его отходили. Яшка стонет, на глазах слёзы, и на всех капризно смотрел. Всем было сначала очень жалко Яшку, но когда он увидел, что с ним возятся, стал ломаться и разбрасывать руки, закидывать голову и подвывать на разные голоса. Решили его укутать и дать касторки. Пусть знает.

А касторка ему так понравилась, что он стал орать, чтобы ему ещё дали. Его запеленали и три дня не пускали на двор.

Яшка скоро поправился и стал рваться на двор. Я за него не боялся. Поймать его никто не мог, и Яшка целыми днями прыгал по двору. Дома стало спокойнее, и мне меньше влетало за Яшку. И как настала осень, все в доме в один голос:

– Куда хочешь убирай свою обезьянку или сажай в клетку. А чтоб по всей квартире эта сатана не носилась.

То говорили, какая хорошенькая, а теперь, думаю, сатана стала. И как только началось ученье, я стал искать в классе, кому бы сплавить Яшку.

Подыскал наконец товарища, отозвал в сторону и сказал:

– Хочешь, я тебе обезьянку подарю? Живую.

Не знаю уж, кому он потом Яшку сплавил. Но первое время, как не стало Яшки в доме, я видел, что все немного скучали, хоть признаваться и не хотели.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ (1892-1968)

РАСТРЁПАННЫЙ ВОРОБЕЙ

На старых стенных часах железный кузнец ростом с игрушечного солдатика поднял молот. Часы щёлкнули, и кузнец ударил с оттяжкой молотом по маленькой медной наковальне. Торопливый звон посыпался по комнате, закатился под книжный шкаф и затих.

Кузнец ударил по наковальне восемь раз, хотел ударить и девятый, но рука у него вздрогнула и повисла в воздухе. Так, с поднятой рукой, он и простоял целый час, пока не пришёл срок пробить по наковальне девять ударов.

Маша стояла у окна и не оглядывалась. Если оглянешься, то нянюшка Петровна непременно проснётся и погонит спать.

Петровна дремала на диване, а мама, как всегда, ушла в театр. Она танцевала в театре, но никогда не брала с собой туда Машу.

Театр был огромный, с каменными колоннами. На

крыше его взвивались на дыбы чугунные лошади. Их сдерживал человек с венком на голове – должно быть, сильный и храбрый. Ему удалось остановить горячих лошадей у самого края крыши. Копыта лошадей висели над площадью. Маша представляла себе, какой был бы переполох, если бы человек не сдержал чугунных лошадей: они сорвались бы с крыши на площадь и промчались с громом и звоном мимо милиционеров.

Все последние дни мама волновалась. Она готовилась впервые танцевать Золушку и обещала взять на первый же спектакль Петровну и Машу.

За два дня до спектакля мама вынула из сундука сделанный из тонкого стекла маленький букет цветов. Его подарил маме Машин отец. Он был моряком и привёз этот букетик из какой-то далёкой страны.

Потом Машин отец ушёл на войну, потопил несколько фашистских кораблей, два раза тонул, был ранен, но остался жив. А теперь он опять далеко, в стране со странным названием Камчатка, и вернётся не скоро, только весной.

Мама вынула стеклянный букет и тихо сказала ему несколько слов. Это было удивительно, потому что раньше мама никогда не разговаривала с вещами.

– Вот, – прошептала мама, – ты и дождался.

– Чего дождался? – спросила Маша.

– Ты маленькая, ничего ещё не понимаешь, – ответила мама. – Папа подарил мне этот букет и сказал: «Когда ты будешь в первый раз танцевать Золушку, обязательно приколи его к платью после бала во дворце. Тогда я буду знать, что ты в это время вспомнила обо мне».

– А вот я и поняла, – сказала сердито Маша.

– Что ты поняла?

– Всё! – ответила Маша и покраснела: она не любила, когда ей не верили.

Мама положила стеклянный букетик к себе на стол и

сказала, чтобы Маша не смела дотрагиваться до него даже мизинцем, потому что он очень хрупкий.

В этот вечер букет лежал за спиной у Маши на столе и поблёскивал. Было так тихо, что казалось, всё спит кругом: весь дом, и сад за окнами, и каменный лев, что сидел внизу у ворот и всё сильнее белел от снега. Не спали только Маша, отопление и зима. Маша смотрела за окно, отопление пищало свою тёплую песню, а зима всё сыпала и сыпала с неба тихий снег. Он летел мимо фонарей и ложился на землю. И было непонятно, как с такого чёрного неба может слетать такой белый снег. И ещё было непонятно, почему среди зимы и морозов распустились у мамы на столе в корзине красные большие цветы. Но непонятнее всего была седая ворона. Она сидела на ветке за окном и смотрела, не моргая, на Машу.

Ворона ждала, когда Петровна откроет форточку, чтобы проветрить на ночь комнату, и уведёт Машу умываться.

Как только Петровна и Маша уходили, ворона взлетала на форточку, протискивалась в комнату, хватала первое, что попадалось на глаза, и удирала.

Она торопилась, забывала вытереть лапы о ковёр и оставляла на столе мокрые следы.

Петровна каждый раз, возвратившись в комнату, всплёскивала руками и кричала:

– Разбойница! Опять чего-нибудь уволокла!

Маша тоже всплёскивала руками и вместе с Петровной начинала торопливо искать, что на этот раз утащила ворона. Чаще всего ворона таскала сахар, печенье и колбасу.

Жила ворона в заколоченном на зиму ларьке, где летом продавали мороженое. Ворона была скупая, сварливая. Она забивала клювом в щели ларька все свои богатства, чтобы их не разворовали воробьи.

Иной раз по ночам ей снилось, будто воробьи прокрались в ларёк и выдалбливают из щелей кусочки замёрзшей

колбасы, яблочную кожуру и серебряную обёртку от конфет. Тогда ворона сердито каркала во сне, а милиционер на соседнем углу оглядывался и прислушивался. Он уже давно слышал по ночам карканье из ларька и удивлялся. Несколько раз он подходил к ларьку и, загородившись ладонями от света уличного фонаря, всматривался внутрь. Но в ларьке было темно, и только на полу белел поломанный ящик.

Однажды ворона застала в ларьке маленького растрёпанного воробья по имени Пашка.

Жизнь для воробьёв пришла трудная. Маловато было овса, потому что лошадей в городе почти не осталось. В прежние времена – их иногда вспоминал Пашкин дед, старый воробей по прозвищу Чичкин, – воробьиное племя все дни толкалось около извозчичьих стоянок, где овёс высыпался из лошадиных торб на мостовую.

А теперь в городе одни машины. Они овсом не кормятся, не жуют его с хрупом, как добродушные лошади, а пьют какую-то ядовитую воду с едким запахом. Воробьи-

ное племя поредело. Иные воробьи подались в деревню, поближе к лошадям, а иные – в приморские города, где грузят на пароходы зерно и потому там воробьиная жизнь сытая и весёлая.

«Раньше, – рассказывал Чичкин, – воробьи собирались стаями по две-три тысячи штук. Бывало, как вспорхнут, как рванут воздух, так не то что люди, а даже извозчичьи лошади шарахались и бормотали: «Господи, спаси и помилуй! Неужто нету на этих сорванцов управы?»

А какие были воробьиные драки на базарах! Пух летел облаками. Теперь таких драк нипочём не допустят...»

Ворона застала Пашку, как только он юркнул в ларёк и не успел ещё ничего выковырять из щели. Она стукнула Пашку клювом по голове.

Пашка упал и завёл глаза: прикинулся мёртвым.

Ворона выбросила его из ларька и напоследок каркнула – выбранилась на всё воробьиное вороватое племя.

Милиционер оглянулся и подошёл к ларьку. Пашка лежал на снегу: умирал от боли в голове и только тихонько открывал клюв.

– Эх ты, беспризорник! – сказал милиционер, снял варежку, засунул в неё Пашку и спрятал варежку с Пашкой в карман шинели. – Невесёлой жизни ты воробей!

Пашка лежал в кармане, моргал глазами и плакал от обиды и голода. Хоть бы склюнуть какую ни на есть крошку! Но у милиционера хлебных крошек в кармане не было, а валялись только бесполезные крошки табаку.

Утром Петровна с Машей пошли гулять в парк. Милиционер подозвал Машу и строго спросил:

– Вам, гражданочка, воробей не требуется? На воспитание?

Маша ответила, что воробей ей требуется, и даже очень. Тогда красное, обветренное лицо милиционера вдруг собралось морщинками. Он засмеялся и вытащил варежку с Пашкой:

– Берите! С варешкой. А то удержит. Варешку мне потом принесёте. Я с поста сменяюсь не раньше чем в двенадцать часов.

Маша принесла Пашку домой, пригладила ему перья щёткой, накормила и выпустила. Пашка сел на блюдечко, попил из него чаю, потом посидел на голове у кузнеца, даже начал было дремать, но кузнец в конце концов рассердился, замахнулся молотком, хотел ударить Пашку. Пашка с шумом перелетел на голову баснописцу Крылову.

Крылов был бронзовый, скользкий – Пашка едва на нём удержался. А кузнец, осердясь, начал колотить по наковальне – и наколотил одиннадцать раз.

Пашка прожил в комнате у Маши целые сутки и видел вечером, как влетела в форточку старая ворона и украла со стола копчёную рыбку голову. Пашка спрятался за корзину с красными цветами и сидел там тихо.

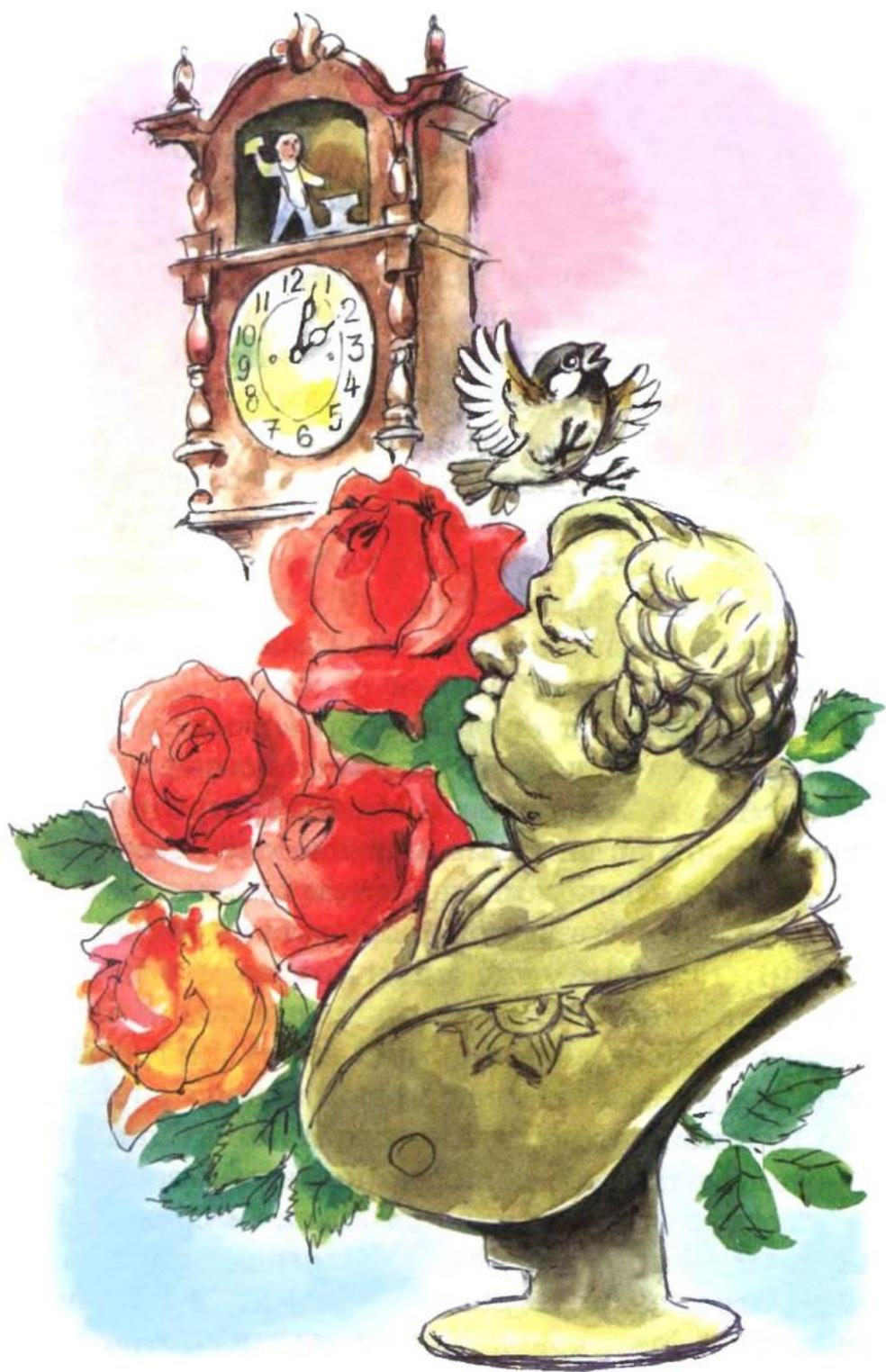
С тех пор Пашка каждый день прилетал к Маше, поклёвывал крошки и соображал, чем бы Машу отблагодарить. Один раз он принёс ей замёрзшую рогатую гусеницу – нашёл её на дереве в парке. Но Маша гусеницу есть не стала, и Петровна, бранясь, выбросила гусеницу за окно.

Тогда Пашка, назло старой вороне, начал ловко утаскивать из ларька ворованные вещи и приносить их обратно к Маше. То притащит засохшую пастилу, то окаменелый кусочек пирога, то красную конфетную бумажку.

Должно быть, ворона воровала не только у Маши, но и в других домах, потому что Пашка иногда ошибался и притаскивал чужие вещи: расчёску, игральную карту – трефовую даму – и золотое перо от «вечной» ручки.

Пашка влетал с этими вещами в комнату, бросал их на пол, делал по комнате несколько петель и стремительно, как маленький пушистый снаряд, исчезал за окном.

В этот вечер Петровна что-то долго не просыпалась. Маше было любопытно посмотреть, как ворона протискивается в форточку. Она этого ни разу не видела.

Маша влезла на стул, открыла форточку и спряталась за шкафом. Сначала в форточку летел крупный снег и таял на полу, а потом вдруг что-то закрипело. Ворона влезла в комнату, прыгнула на мамин стол, посмотрелась в зеркало, взъерошилась, увидев там такую же злую ворону, потом каркнула, воровато схватила стеклянный букет и вылетела за окно.

Маша вскрикнула. Петровна проснулась, захохала и заругалась. А мама, когда возвратилась из театра, так долго плакала, что вместе с ней заплакала и Маша. А Петровна говорила, что не надо убиваться, может, и найдётся стеклянный букетик – если, конечно, дура ворона не обронила его в снег.

Утром прилетел Пашка. Он сел отдохнуть на баснописца Крылова, услышал рассказ об украденном букете, нахохлился и задумался.

Потом, когда мама пошла на репетицию в театр, Пашка увязался за ней.

Он перелетал с вывесок на фонарные столбы, с них – на деревья, пока не долетел до театра, там он посидел немного на морде у чугунной лошади, почистил клюв, смахнул лапой слезинку, чирикнул и скрылся.

Вечером мама надела на Машу праздничный белый фартучек, а Петровна накинула на плечи коричневую атласную шаль, и все вместе поехали в театр. А в этот самый час Пашка по приказу Чичкина собрал всех воробьёв, какие жили поблизости, и воробьи всей стаей напали на вороний ларёк, где был спрятан стеклянный букет.

Сразу воробьи не решились, конечно, напасть на ларёк, а расселись на соседних крышах и часа два дразнили ворону. Они думали, что она разозлится и вылетит из ларька. Тогда можно будет устроить бой на улице, где не так тесно, как в ларьке, и где на ворону можно навалиться всем сразу. Но ворона была учёная, знала воробьиные хитрости и из ларька не вылезала.

Тогда воробьи наконец собрались с духом и начали один за другим проскакивать в ларёк.

Там поднялся такой писк, шум и трепыхание, что вокруг ларька тотчас собралась толпа.

Прибежал милиционер. Он заглянул в ларёк и отшатнулся: воробьиный пух летал по всему ларьку, и в этом пуху ничего нельзя было разобрать.

– Вот это да! – сказал милиционер. – Вот это рукопашный бой по уставу!

Милиционер начал отдирать доски, чтобы открыть заколоченную дверь в ларёк и прекратить драку.

В это время все струны на скрипках и виолончелях в театральном оркестре тихонько вздрогнули. Высокий человек взмахнул бледной рукой, медленно повёл ею, и под нарастающий гром музыки тяжёлый бархатный занавес качнулся, легко поплыл в сторону, и Маша увидела большую нарядную комнату, залитую жёлтым солнцем, и богатых уродок сестёр, и злую мачеху, и свою маму – худенькую и красивую, в стареньком сером платье.

– Золушка! – тихо вскрикнула Маша и уже не могла оторваться от сцены.

Там, в сиянии голубого, розового, золотого и лунного света, появился дворец. И мама, убегая из него, потеряла на лестнице хрустальную туфельку.

Было очень хорошо, что музыка всё время только то и делала, что печалилась и радовалась за маму, как будто все эти скрипки, гобои, флейты и тромбоны были живыми добрыми существами. Они всячески старались помочь маме вместе с высоким дирижёром. Он так был занят тем, чтобы помочь Золушке, что даже ни разу не оглянулся на зрительный зал.

И это очень жаль, потому что в зале было много детей с пылающими от восторга щеками.

Даже старые капельдинеры, которые никогда не смотрят спектакли, а стоят в коридорах у дверей с пучками программ в руках и большими чёрными биноклями, – даже эти старые капельдинеры бесшумно вошли в зал, прикрыли за спиной двери и смотрели на Машину маму. А один даже вытирал глаза. Да и как ему было не проследиться, если так хорошо танцевала дочь его умершего товарища, такого же капельдинера, как и он.

И вот, когда кончился спектакль и музыка так громко и весело запела о счастье, что люди улынулись про себя и только недоумевали, почему у счастливой Золушки на глазах слёзы, – вот в это самое время в зрительный зал ворвался, поносившись и поплутав по театральным лестницам, маленький растрёпанный воробей. Было сразу видно, что он выскочил из жестокой драки.

Он закружился над сценой, ослеплённый сотнями огней, и все заметили, что в клюве у него что-то нестерпимо блестит, как будто хрустальная веточка.

Зал зашумел и стих. Дирижёр поднял руку и остановил оркестр. В задних рядах люди начали вставать, чтобы увидеть, что происходит на сцене. Воробей подлетел к Золушке.

Она протянула к нему руки, и воробей на лету бросил ей на ладони маленький хрустальный букет. Золушка дрожащими пальцами приколола его к своему платью.

Дирижёр взмахнул палочкой, оркестр загремел. Театральные огни задрожали от рукоплесканий. Воробей вспорхнул под купол зала, сел на люстру и начал чистить растрёпанные в драке перья.

Золушка кланялась и смеялась, и Маша, если бы не знала наверное, никогда бы не догадалась, что эта Золушка – её мама.

А потом, у себя в доме, когда погасили свет и поздняя ночь вошла в комнату и приказала всем спать, Маша сквозь сон спросила маму:

– Когда ты прикалывала букет, ты вспомнила о папе?

– Да, – ответила, помолчав, мама.

– А почему ты плачешь?

– Потому что радуюсь, что такие люди, как твой папа, бывают на свете.

– Вот и неправда! – пробормотала Маша. – От радости смеются.

– От маленькой радости смеются, – ответила мама, – а от большой – плачут. А теперь спи!

Маша уснула. Уснула и Петровна. Мама подошла к окну. На ветке за окном спал Пашка. Тихо было в мире, и крупный снег, что падал и падал с неба, всё прибавлял тишины. И мама подумала, что вот так же, как снег, сыплются на людей счастливые сны и сказки.

Расскажу вам
сказку...

ПАВЕЛ БАЖОВ
(1879-1950)

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя. Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку.

Спросил у соседей – нет ли кого, а соседи говорят:

– Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку, по шестому году, никому не надо. Вот ты и возьми её.

– Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я её учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

– Знавал я Григория, да и жену его тоже. Оба весёлые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдёт, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму её. Только пойдёт ли?

Соседи объясняют:

– Плохое житьё у неё. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сироту кормить, пока не подрастёт. А у того своя семья больше десятка. Сами не

досыта едят. Вот хозяйка и взъезжается на сиротку, попрекает её куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдёт от такого житья! Да и уговоришь, подико.

– И то правда, – отвечает Кокованя. – Уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришёл он к тем людям, у кого сирота жила. Видит – полна изба народу, больших и маленьких.

У печки девчонка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая, и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, и она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

– Это у вас Григорьева-то подарёнка?

Хозяйка отвечает:

– Она самая. Мало одной-то, так ещё кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да ещё корми её.

Кокованя и говорит:

– Неласковые, видно, твои ребята. У ней-то мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

– Ну, как, подарёнушка, пойдёшь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

– Ты, дедо, как узнал, что меня Дарённой зовут?

– Да так, – отвечает, – само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

– Ты хоть кто? – спрашивает девчоночка.

– Я, – говорит, – вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да все увидеть не могу.

– Застрелишь его?

– Нет, – отвечает Кокованя. – Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

– Тебе на что это?

– А вот пойдёшь ко мне жить, так всё и расскажу, – ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит – старик весёлый да ласковый. Она и говорит:

– Пойду. Только ты эту кошку, Мурёнку, тоже возьми: гляди, какая хорошая.

– Про это, – отвечает Кокованя, – что и говорить. Такую звонкую кошку не взять – дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит разговор. Рада-радёшенька, что Кокованя сиротку к себе зовёт. Стала скорей Дарёнкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает разговор. Трётся у ног-то да мурлычет: «Пр-равильно придумал. Пр-равильно».

Вот и привёл Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая, носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе – дед Кокованя, сиротка Дарёнка да кошка Мурёнка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житьё не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил, Дарёнка в избе прибирала, похлёбку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила, мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать. Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет: «Пр-равильно. Пр-равильно».

Только после всякой сказки Дарёнка напомним:

– Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

– Тот козёл особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем – там и появится дорогой камень. Раз топнет – один

камень, два топнет – два камня, а где ножкой бить станет – там гряда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору, что об этом козле.

– Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козёл не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгонькая. А Дарёнка опять спрашивает:

– Дедо, а рожки у него есть?

– Рожки-то, – отвечает, – у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у этого на пять веток.

– Дедо, а он кого ест?

– Никого, – отвечает, – не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

– Дедо, а шёрстка у него какая?

– Летом, – отвечает, – буренькая, как вот у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасётся. Дарёнка и давай проситься:

– Возьми меня, дедо, с собой! Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

– Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберёшь, сколько на них веток. Зимой вот – дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот – Серебряное Копытце – всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушёл. Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

– Ныне в Полдневской стороне много козлов пасётся. Туда и пойду зимой.

– А как же, – спрашивает Дарёнка, – зимой-то в лесу ночевать станешь?

– Там, – отвечает, – у меня зимний балаган у покосных ложек поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Дарёнка опять спрашивает:

– Серебряное Копытце в той же стороне пасётся?

– Кто его знает. Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

– Возьми меня, дедо, с собой! Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное Копытце близко подойдёт, я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

– Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замерзнешь ещё!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

– Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.

Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя: «Сводить разве? Раз побывает – в другой не просится».

Вот он и говорит:

– Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя в ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарёнка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да ещё верёвку.

«Нельзя ли, – думает, – этой верёвкой Серебряное Копытце поймать?»

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да что поделаешь. Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

– Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдём, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное Копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет: «Пр-равильно придумала. Пр-равильно».

Пошли Кокованя с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

– Из ума выжил старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повёл!

Как стали Кокованя с Дарёнкой из заводу выходить, слышат – собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись, а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается.

Мурёнка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют. Хотела Дарёнка кошку поймать да домой унести, только где тебе? Добежала Мурёнка до лесу – да на сосну. Поди поймай! Покричала Дарёнка, не могла кошку приманить. Что де-

лать? Пошли дальше. Глядят, а Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Дарёнка хвалится:

– Веселее так-то!

Кокованя поддакивает:

– Известно, веселее.

А кошка Мурёнка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили – на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадьёю сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить!

А Дарёнка по привычке в лесу-то. Сама говорит старику:

– Дедо, сходил бы ты на завод за лошадыю. Надо ведь солонину домой перевезти.

Кокованя даже удивился:

– Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна! Как большая рассудила. Сам про то думал, да забоишься, поди, одна-то.

– Чего, – отвечает, – бояться! Сам же говоришь, что балаган у нас крепкий, волкам не добиться, да и не лезут они в это место. И Мурёнка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся всё-таки!

Ушёл Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днём-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал. Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит – Мурёнка лежит спокойнёхонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит – от лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела: это козёл бежит. Ножки тоненькие, головка лёгонькая, а на рожках по пяти веточек. Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Подождала-подождала, воротилась в балаган, да и говорит:

– Видно, задремала я. Мне и показалось.

Мурёнка мурлычет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Легла Дарёнка с кошкой, да и уснула до утра. Другой день прошёл. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку да приговаривает:

– Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придёт.

Мурёнка свою песенку поёт: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звёзды. Хотела спать ложиться – вдруг по стене топоток прошёл. Испугалась Дарёнка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом – где дверка, а там и сверху запостукивало. Негромко, будто кто лёгонький да быстрый ходит.

Дарёнка и думает: «Не козёл ли тот, вчерашний, прибежал?» И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит – а козёл тут, вовсе близко. Спокойнёшенько стоит. Правую переднюю ножку поднял – вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его, как домашнего:

– Ме-ка! Ме-ка!

Козёл на это как рассмеялся! Повернулся и побежал по покосным ложкам. Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

– Поглядела я на Серебряное Копытце. И рожки видела, и копытце видела. Не видела, как тот козлик ножкой топает, дорогие камни выбивает. На другой раз, видно, покажет.

Мурёнка знай свою песенку поёт: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Третий день прошёл, а Коковани всё нет.

Вовсе затуманилась Дарёнка. Слезки запokaпывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а её нет.

Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка – кошка близко, на покосном ложке сидит, а перед ней козёл. Мурёнка головой покачивает, и козёл тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать.

Бежит-бежит козёл, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит – козёл дальше отскочит и опять копытцем бьёт.

Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились. Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые – всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней. Так и горит, переливается разными огнями. Наверху козёл стоит и всё бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются.

Вдруг Мурёнка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного Копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагрёб, да Дарёнка запросила:

– Не тронь, дедо! Завтра днём ещё на это поглядим.

Кокованя послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало.

Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку сгрёб.

Всё бы хорошо, да Мурёнки жалко. Больше её так и не видали, да и Серебряное Копытце тоже не показывался. Потешил раз – и будет.

А по тем покосным ложкам, где козёл скакал, люди камешки находить стали.

Зелёнькие больше. Хризолитами называются. Видали?

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ
(1896-1958)

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

Жил-был мальчик по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и всё время отставал, и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению.

– Успею! – говорил он в конце первой четверти. – Во второй вас всех догоню.

А приходила вторая – он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Всё «успею» да «успею».

И вот однажды пришёл Петя Зубов в школу, как всегда с опозданием. Вбежал в раздевалку. Шлёпнул портфелем по загородке и крикнул:

– Тётя Наташа! Возьмите моё пальтишко!

А тётя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалок:

– Кто меня зовёт?

– Это я, Петя Зубов, – отвечает мальчик.

– А почему у тебя сегодня голос такой хриплый? – спрашивает тётя Наташа.

– А я и сам удивляюсь, – отвечает Петя. – Вдруг охрип ни с того ни с сего.

Вышла тётя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петю да как вскрикнет:

– Ой!

Петя Зубов тоже испугался и спрашивает:

– Тётя Наташа, что с вами?

– Как что? – отвечает тётя Наташа. – Вы говорили, что вы Петя Зубов, а на самом деле вы, должно быть, его дедушка.

– Какой же я дедушка? – спрашивает мальчик. – Я – Петя, ученик третьего класса.

– Да вы посмотрите в зеркало! – говорит тётя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Морщины покрыли сеткою лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода.

Крикнул он басом:

– Мама! – и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает: «Ну, уж если и мама меня не узнает, тогда всё пропало».

Прибежал Петя домой и позвонил три раза. Мама открыла ему дверь.

Смотрит она на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

– Вам кого, дедушка? – спросила мама наконец.

– Ты меня не узнаёшь? – прошептал Петя.

– Простите, нет, – ответила мама.

Отвернулся бедный Петя и пошёл куда глаза глядят.

Идёт он и думает:

«Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни

детей, ни внуков, ни друзей... И главное, ничему не успел научиться. Настоящие старики – те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут – ведь я всего только три года работал. Да и как работал – на двойки да на тройки. Что же со мною будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же всё это кончится?»

Так Петя думал и шагал, шагал и думал и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шёл он по лесу, пока не стемнело.

«Хорошо бы отдохнуть», – подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за ёлками, белеет какой-то домик. Вошёл Петя в домик – хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола – четыре табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено.

Лёг Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, поплакал тихонько, утёр слёзы бородой и уснул.

Просыпается Петя – в комнате светло, керосиновая лампа горит под стеклом. А вокруг стола сидят ребята – два мальчика и две девочки. Большие, окованные медью счёты лежат перед ними. Ребята считают и бормочут:

– Два года, да ещё пять, да ещё семь, да ещё три... Это вам, Сергей Владимирович, а это ваши, Ольга Капитоновна, а это вам, Марфа Васильевна, а это ваши, Пантелей Захарович.

Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кряхтят они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени-отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избушке?

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово. И страшно ему стало от того, что услышал он.

Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается,

устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники разведали об этом и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и ещё одного мальчика, и ещё двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети, и сами этого не заметили: ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами, забрали волшебники себе. И стали волшебники малыми ребятами, а ребята – старыми стариками.

Как быть?

Что делать?

Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович, главный из них, не позволил. Взял он счёты и подошёл к ходикам. Покрутил стрелки, подёргал гири, послушал, как тикает маятник, и опять защёлкал на счётах. Считал, считал он, шептал, шептал, пока не показали ходики полночь. Тогда смешал Сергей Владимирович костяшки и ещё раз проверил, сколько получилось у него.

Потом подозвал он волшебников к себе и заговорил негромко:

– Господа волшебники! Знайте – ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, ещё могут помолодеть.

– Как? – воскликнули волшебники.

– Сейчас скажу, – ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошёл его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил сено палкой.

Петя Зубов замер, как мышка.

Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Пети. Подозвал он остальных волшебников к себе поближе и заговорил негромко:

– К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда к нам и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети снова станут детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники.

Потом Ольга Капитоновна сказала:

– Откуда им всё это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

– Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минуту, да опоздают.

А Марфа Васильевна пробормотала:

– Да куда им! Да где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют, сразу собьются.

– Так-то оно так, – ответил Сергей Владимирович. – А всё-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки – нам тогда и с места не сдвинуться. Ну, а пока нечего время терять – идём на работу.

И волшебники, спрятав счёты в стол, побежали, как дети, но при этом кряхтели, охали и вздыхали, как настоящие старики.

Дождлся Петя Зубов, пока затихли в лесу шаги. Выбрался из домика. И, не теряя напрасно времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков-школьников.

Город ещё не проснулся. Темно было в окнах, пусто на улицах, только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел наконец Петя Зубов – идёт не спеша по улице старушка с большой корзиной.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивает:

– Скажите, пожалуйста, бабушка, вы не школьница?

– Что, что? – спросила старушка сурово.

– Вы не третьеклассница? – прошептал Петя робко.

А старушка как застучит ногами да как замахнётся на Петю корзинкой. Еле Петя ноги унёс. Отдышался он немного – дальше пошёл. А город уже совсем проснулся. Летят трамваи, спешат на работу люди. Грохочут грузовики – скорее, скорее надо сдать грузы в магазины, на заводы, на железную дорогу. Дворники счищают снег, посыпают панель песком, чтобы пешеходы не скользили, не падали, не теряли времени даром. Сколько раз видел всё это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно – настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик с ведром и кистью – это маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине старик – начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда в жизни не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей, – нет как нет. Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в полдень зашёл Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть.

И вдруг вскочил.

Увидел он: сидит недалеко на другой скамеечке старушка и плачет.

Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

– Подожду! – сказал он сам себе. – Посмотрю, что она дальше делать будет.

А старушка перестала вдруг плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из одного кармана газету, а из другого кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету – Петя ахнул от радости: «Пионерская правда»! – и

принялась старушка читать и есть. Изюм выковыривает, а самый ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидела в снегу. Наклонилась она и схватила мячик. Наверное, кто-нибудь из детей, игравших в сквере, потерял этот мячик в снегу.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтёрла его старательно платочком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в трёшки.

Бросился к ней Петя через снег, через кусты. Бежит и кричит:

– Бабушка! Честное слово, вы школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петю за руки и отвечает:

– Верно, верно! Я ученица третьего класса Маруся Поспелова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за

руки, побежали искать остальных товарищей. Искали час, другой, третий. Наконец зашли во второй двор огромного дома. И видят: за дровяным сараем прыгает старушка. Нарисовала мелом на асфальте классы и скачет на одной ножке, гоняет камешек.

Бросились Петя и Маруся к ней.

– Бабушка! Вы школьница?

– Школьница, – отвечает старушка. – Ученица третьего класса Наденька Соколова. А вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он как сквозь землю провалился. Куда только ни заходили старики – и во дворы, и в сады, и в детские театры, и в детские кино, и в Дом Занимательной Науки – пропал мальчик, да и только.

А время идёт. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажётся свет. Кончается день.

Что делать? Неужели всё пропало?

Вдруг Маруся закричала:

– Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай, девятый номер. А на «колбасе» висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развеивается по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье, зажётся на перекрёстке красный огонь, остановился трамвай.

Схватили ребята «колбасника» за полы, оторвали от «колбасы».

– Ты школьник? – спрашивают.

– А как же? – отвечает он. – Ученик второго класса Зайцев Вася. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за город к лесу.

Какие-то школьники ехали в этом же трамвае. Встали они, уступают нашим старикам место.

– Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки.

Смутились старики, покраснели и отказались.

А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные, просят стариков, уговаривают:

– Да садитесь же! Вы за свою долгую жизнь наработались, устали. Сидите теперь, отдыхайте.

Тут, к счастью, подошёл трамвай к лесу, соскочили наши старики – ив чашу бегом.

Но тут ждала их новая беда. Заблудились они в лесу.

Наступила ночь, тёмная, тёмная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

– Ах, время, время! – говорит Петя. – Бежит оно, бежит. Я вчера не заметил дороги обратно к домику – боялся время потерять. А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы потом его сберечь.

Совсем выбились из сил старички. Но, на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч, и засияла на небе полная луна.

Вылез Петя Зубов на берёзу и увидел – вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых ёлок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам:

– Тише! Ни слова! За мной!

Поползли ребята по снегу к домику. Заглянули осторожно в окно. Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, берегут украденное время.

– Они спят! – сказала Маруся.

– Тише! – прошептал Петя.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам. Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в

полночь протянул Петя руку к стрелкам и – раз, два, три – закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не могли сдвинуться с места. Стоят и растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосы заблестели у них на висках, покрылись морщинами щёки.

– Поднимите меня, – закричал Петя. – Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок! Тридцать один, тридцать два, тридцать три!

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорбленными старичками.

Всё ближе пригибало их к земле, всё ниже становились они. И вот на семьдесят седьмом и последнем обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они потерянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который напрасну теряет время, сам не замечает, как стареет.

Весёлая переменка

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО
(1894-1958)

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Когда мне было шесть лет, я не знал, что Земля имеет форму шара.

Но Стёпка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое Земля. Он сказал:

– Земля есть круг. И если пойти всё прямо, то можно обогнуть всю Землю и всё равно придёшь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Стёпка ударил меня по затылку и сказал:

– Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестрёнкой Лёлей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Стёпке перочинный ножик. Стёпке понравился мой ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Стёпка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Лёле:

– Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдёт на речку стирать бельё, мы сделаем, что задумали. Мы пойдём всё прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не вернёмся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушёл целый год.

Лёля сказала:

– А если, Стёпочка, мы встретим индейцев?

– Что касается индейцев, – ответил Стёпа, – то индейские племена мы будем брать в плен.

– А которые не захотят идти в плен? – робко спросил я.

– Которые не захотят, – ответил Стёпа, – тех мы и не будем брать в плен.

Лёля спросила:

– Три рубля нам хватит на это путешествие? Я возьму из моей копилки.

Стёпка сказал:

– Три рубля нам, безусловно, хватит на это путешествие, потому что нам деньги будут нужны лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дороге будем убивать разных мелких животных и их нежное мясо будем жарить на костре.

Стёпка сбегал в сарай и принёс оттуда мешок из-под муки. И в этот мешок мы положили хлеб и сахар. Потом положили разную посуду: тарелки, стаканы, вилки и ножи. Затем, подумавши, положили волшебный фонарик, цветные карандаши, глиняный рукомойник и увеличительное стекло для зажигания костров. И кроме того, запихали в мешок два одеяла и подушку от тахты.

Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек.

И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Стёпкина мать ушла на речку полоскать бельё, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес.

Впереди бежала Стёпкина собачка Тузик. За ней шёл

Стёпка с громадным мешком на голове. За Стёпкой шла Лёля со скакалкой. И за Лёлей, с тремя рогатками, сачком и удочкой, шёл я.

Мы шли около часа.

Наконец Стёпа сказал:

– Мешок дьявольски тяжёлый. И я один его не понесу. Пусть каждый по очереди несёт этот мешок.

Тогда Лёля взяла этот мешок и понесла его.

Но она недолго несла его, потому что выбилась из сил.

Она бросила мешок на землю и сказала:

– Теперь пусть Минька понесёт!

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления: до того этот мешок оказался тяжёлым.

Но я ещё больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону. Пока наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву.

Причём сначала упал в канаву мешок, а потом, на мешок, упал я. И хотя я был лёгкий, тем не менее я ухитрился раздавить все стаканы, почти все тарелки и глиняный рукомойник.

Мы с грустью вытащили черепки из мешка. И Стёпка ударил меня по затылку, сказал, что таким, как я, надо сидеть дома, а не пускаться в кругосветное путешествие.

Потом Стёпка свистнул собаку и хотел её приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, что мы от него хотим.

Тем более что мы и сами не очень-то понимали, как нам под это приспособить Тузика.

Тогда Стёпка велел нам всем вместе нести этот мешок.

Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее мы шли ещё два часа. И наконец вышли из леса на лужайку.

Тут Стёпка решил сделать привал. Он сказал:

– Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда бу-

дем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямого пути.

И Стёпка сел у дороги, протянул вперёд ноги.

Мы развязали мешок и начали закусывать.

Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком.

Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая попробовать мой сахар, ужалила меня в щёку.

От этого моя щека вздулась, как пирог. И я захотел вернуться домой. Но Стёпка не позволил мне об этом думать. Он сказал:

– Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.

Перед тем как пойти дальше, Стёпка выкинул из мешка почти всё, что там было, и мы пошли налегке.

Я шёл позади всех, скуля и хныча. Моя щека горела и ныла.

Лёля тоже не была рада путешествию. Она вздыхала и мечтала о возвращении домой.

Мы продолжали идти в плохом настроении.

И только у Тузика настроение было ничего себе. Здрав хвост, он гонялся за птицами и своим лаем вносил излишний шум в наше путешествие.

Наконец стало темнеть. Стёпка бросил мешок на землю. И мы решили тут заночевать.

Мы собрали хворосту для костра. И Стёпка извлёк из мешка увеличительное стёклышко, чтоб разжечь костер.

Но, не найдя на небе солнца, Стёпка приуныл. Мы тоже огорчились. И, покушав хлеба, легли в темноте.

Стёпка торжественно лёг ногами вперёд, говоря, что утром нам будет ясно, в какую сторону идти.

Стёпка тотчас захрапел. И Тузик тоже засопел носом. Но мы с Лёлей долго не могли уснуть. Нас пугали тёмный лес и шум деревьев.

Сухую ветку под головой Лёля вдруг приняла за змею и от ужаса закричала.

А упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик.

Наконец мы задремали.

Я проснулся оттого, что Лёля теребила меня за плечи. Было раннее утро. И солнце ещё не взошло.

Лёля шёпотом сказала мне:

– Минька, пока Стёпка спит, давай повернём его ноги в обратную сторону. А то он заведёт нас, куда Макар телят не гонял.

Мы посмотрели на Стёпку. Он спал с блаженной улыбкой.

Мы с Лёлей ухватились за его ноги и в одно мгновение повернули их в обратную сторону, так что Стёпкина голова описала полкруга.

Но от этого Стёпка не проснулся.

Он только застонал во сне и замахал руками, бормоча: «Эй, сюда, ко мне...»

Наверно, ему приснилось, что он берёт в плен индейцев, а те не хотят и сопротивляются.

Мы стали ждать, когда Стёпка проснётся.

Он проснулся с первыми лучами солнца и, посмотрев на свои ноги, сказал:

– Хороши бы мы были, если бы я лёг ногами куда попало. Вот мы бы и не знали, в какую сторону нам идти. А теперь, благодаря моим ногам, всем нам ясно, куда надо идти.

И Стёпка махнул рукой по направлению дороги, по которой мы шли вчера.

Мы покушали хлеба, попили водички из канавы и двинулись в путь. Дорога была знакома по вчерашнему путешествию. И Стёпка то и дело раскрывал рот от удивления. Тем не менее он сказал:

– Кругосветное путешествие тем и отличается от дру-

гих путешествий, что всё повторяется, так как Земля есть круг.

Позади раздался скрип колёс. Это какой-то дяденька ехал в пустой телеге. Стёпка сказал:

– Для быстроты путешествия и чтоб скорей обогнуть Землю, не худо бы нам сесть в эту телегу.

Мы стали проситься, чтоб нас подвезли. Добродушный дяденька остановил телегу и позволил нам в неё сесть.

Мы быстро покатали. И ехали не больше двух часов.

Вдруг впереди показалась наша деревня Пески.

Стёпка, раскрыв рот от изумления, сказал:

– Вот деревня, в аккурат похожая на нашу деревню Пески. Это бывает во время кругосветных путешествий.

Но Стёпка ещё больше изумился, когда мы приблизились к реке и подъехали к пристани.

Мы вылезли из телеги.

Действительно, это была наша пристань Пески, и к ней только что подошёл пароход.

Стёпка прошептал:

– Неужели же мы обогнули Землю?

Лёля фыркнула, и я тоже засмеялся. Но тут мы увидели на пристани наших родителей и нашу бабушку – они только что сошли с парохода.

И рядом с ними мы увидели нашу няньку, которая с плачем что-то им говорила. Мы побежали к родителям. И родители засмеялись от радости, что увидели нас.

Нянька сказала:

– Дети, я думала, что вы вчера потонули.

Лёля сказала:

– Если бы мы вчера потонули, то мы не могли бы отправиться в кругосветное путешествие.

Мама воскликнула:

– Что я слышу? Их надо наказать.

Бабушка, сорвав ветку, сказала:

– Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпорот мама. А Лёлю я беру на себя. И я всыплю ей как старшей не менее двадцати розг.

Папа сказал:

– Порка – это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети и без порки поняли, какую глупость они совершили.

Мама, вздохнув, сказала:

– Ах, у меня дурацкие дети! Идти в кругосветное путешествие, не зная географии и таблицы умножения, – ну что это такое!

Папа сказал:

– Мало знать географию и таблицу умножения. Чтоб идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать всё, что там преподают, включая космографию. А те, которые пускаются в дальний путь без этих знаний, приходят к печальным результатам.

С этими словами мы пошли домой. И сели обедать. И наши родители смеялись и ахали, слушая наши рассказы о вчерашнем приключении.

Папа сказал:

– Всё хорошо, что хорошо кончается.

И он не наказал нас за наше кругосветное путешествие и за то, что мы потеряли подушку от тахты.

Что касается Стёпки, то его собственная мамаша заперла его в бане, и там наш великий путешественник просидел целый день вместе со своей собакой Тузиком.

А на другой день мамаша его выпустила. И мы с ним стали играть как ни в чём не бывало.

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ
(1913-1972)

ПОЖАР ВО ФЛИГЕЛЕ, ИЛИ ПОДВИГ ВО ЛЬДАХ...

Мы с Мишкой так заигрались в хоккей, что совсем забыли, на каком мы находимся свете, и когда спросили одного проходящего мимо дяденьку, который час, он нам сказал:

– Ровно два.

Мы с Мишкой прямо за голову схватились. Два часа! Каких-нибудь пять минут поиграли, а уже два часа! Ведь это же ужас! Мы же в школу опоздали! Я подхватил портфель и закричал:

– Бегом давай, Мишка!

И мы полетели, как молнии. Но очень скоро устали и пошли шагом. Мишка сказал:

– Не торопись, теперь уже всё равно опоздали.

Я говорю:

– Ох, влетит... Родителей вызовут! Ведь без уважительной же причины.

Мишка говорит:

– Надо её придумать. А то на совет отряда вызовут. Давай придумаем поскорее!

Я говорю:

– Давай скажем, что у нас заболели зубы и что мы ходили их вырывать.

Но Мишка только фыркнул:

– У обоих сразу заболели, да? Хором заболели!.. Нет, так не бывает. И потом: если мы их рвали, то где же дырки?

Я говорю:

– Что же делать? Прямо не знаю... Ой, вызовут на совет и родителей пригласят!.. Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас ещё и похвалили за опоздание, понял?

Мишка говорит:

– Это как?

– Ну, например, выдумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребёнка из этого пожара вытащили, понял?

Мишка обрадовался:

– Ага, понял! Можно про пожар выдумать, а то ещё лучше сказать, как будто лёд на пруду проломился, и ребёнок этот – бух!.. – в воду упал! А мы его вытащили... Тоже красиво!

– Ну да, – говорю я, – правильно! Но пожар всё-таки лучше!

– Ну нет, – говорит Мишка, – именно что лопнувший пруд интереснее!

И мы с ним ещё немножко поспорили, что интересней и храбрей, и не доспорили, а уже пришли к школе. А в раздевалке наша гардеробщица тётя Паша вдруг говорит:

– Ты где это так оборвался, Мишка? У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться. Всё равно уж ты опоздал, давай хоть пуговицы-то пришью! Вот у меня их целая коробка. А ты, Дениска, иди в класс, нечего тебе тут торчать!

Я сказал Мишке:

– Ты поскорее тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

Но тётя Паша шуганула меня:

– Иди, иди, а он за тобой! Марш!

И вот я тихонько приоткрыл дверь нашего класса, просунул голову, и вижу весь класс, и слышу, как Раиса Ивановна диктует по книжке:

– «Птенцы пищат...»

А у доски стоит Валерка и выписывает корявыми буквами:

«Птенцы пестчат...»

Я не выдержал и рассмеялся, а Раиса Ивановна подняла глаза и увидела меня. Я сразу сказал:

– Можно войти, Раиса Ивановна?

– Ах, это ты, Дениска, – сказала Раиса Ивановна. – Что ж, входи! Интересно, где это ты пропадал?

Я вошёл в класс и остановился у шкафа. Раиса Ивановна вгляделась в меня и прямо ахнула:

– Что у тебя за вид? Где это ты так извалялся? А? Отвечай толком!

А я ещё ничего не придумал и не могу толком отвечать, а так, говорю что попало, всё подряд, только чтобы время протянуть:

– Я, Раиса Иванна, не один... Вдвоём мы, вместе с Мишкой... Вот оно как. Ого!.. Ну и дела. Так и так! И так далее.

А Раиса Ивановна:

– Что-что? Ты успокойся, говори помедленней, а то непонятно! Что случилось? Где вы были? Да говори же!

А я совсем не знаю, что говорить. А надо говорить. А что будешь говорить, когда нечего говорить? Вот я и говорю:

– Мы с Мишкой. Да. Вот... Шли себе и шли. Никого не трогали. Мы в школу шли, чтоб не опоздать. И вдруг такое! Такое дело, Раиса Ивановна, прямо ох-хо-хо! Ух ты! Ай-яй-яй.

Тут все в классе рассмеялись и загалдели. Особенно

громко – Валерка. Потому что он уже давно предчувствовал двойку за своих «птенцов». А тут урок остановился, и можно смотреть на меня и хохотать. Он прямо покатывался. Но Раиса Ивановна быстро прекратила этот базар.

– Тише, – сказала она, – дайте разобраться! Кораблёв! Отвечай, где вы были? Где Миша?

А у меня в голове уже началось какое-то завихрение от всех этих приключений, и я ни с того ни сего брякнул:

– Там пожар был!

И сразу все утихли. А Раиса Ивановна побледнела и говорит:

– Где пожар?

А я:

– Возле нас. Во дворе. Во флигеле. Дым валит – прямо клубами. А мы идём с Мишкой мимо этого... как его... мимо чёрного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припёр. Вот. А мы идём! А оттуда, значит, дым! И кто-то пищит. Задыхается. Ну, мы доску отняли, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы её за руки, за ноги – спасли. А тут её мама прибегает, говорит: «Как ваша фамилия, мальчики? Я про вас в газету благодарность напишу». А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку! Не стоит благодарности. Мы скромные ребята!» Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Ивановна?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Глаза у неё были серьёзные и счастливые. Она сказала:

– Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди садись. Сядь. Посиди...

И я видел, что она прямо хочет меня погладить или даже поцеловать. И мне от всего этого не очень-то весело стало. И я пошёл потихоньку на своё место, и весь класс смотрел на меня, как будто я и вправду сотворил что-то особенное. И на душе у меня скребли кошки. Но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался Мишка.

Все повернулись и стали смотреть на него. А Раиса Ивановна обрадовалась.

– Входи, – сказала она, – входи, Мишук, садись. Сядь. Посиди. Успокойся. Ты ведь, конечно, тоже переволновался.

– Ещё как! – говорит Мишка. – Боялся, что вы заругаетесь.

– Ну, раз у тебя уважительная причина, – говорит Раиса Ивановна, – ты мог не волноваться. Всё-таки вы с Дениской человека спасли. Не каждый день такое бывает.

Мишка даже рот разинул. Он, видно, совершенно забыл, о чём мы с ним говорили.

– Ч-ч-человека? – говорит Мишка и даже заикается. – С-с-спасли? А кк-кк-кто спас?

Тут я понял, что Мишка сейчас всё испортит. И я решил ему помочь, чтобы натолкнуть его и чтобы он вспомнил, и так ласковенько ему улыбнулся и говорю:

– Ничего не подделаешь, Мишка, брось притворяться... Я уже всё рассказал!

И сам в это время делаю ему глаза со значением: что я уже всё наврал и чтобы он не подвёл! И я ему подмигиваю, уже прямо двумя глазами, и вдруг вижу – он вспомнил! И сразу догадался, что надо делать дальше! Вот наш милый Мишенька глазки опустил, как самый скромный на свете маменькин сынок, и таким противным, приличным голоском говорит:

– Ну зачем ты это! Ерунда какая...

И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка! Я прямо не ожидал от него такой прыти. А он сел за парту как ни в чём не бывало и давай тетради раскладывать. И все на него смотрели с уважением, и я тоже. И наверно, этим дело бы и кончилось. Но тут чёрт всё-таки дёрнул Мишку за язык, он огляделся вокруг и ни с того ни с сего сказал:

– А он вовсе не тяжёлый был. Кило десять-пятнадцать, не больше...

Раиса Ивановна говорит:

– Кто? Кто не тяжёлый, кило десять – пятнадцать?

– Да мальчишка этот.

– Какой мальчишка?

– Да которого мы из-подо льда вытащили...

– Ты что-то путаешь, – говорит Раиса Ивановна, – ведь это была девочка! И потом, откуда там лёд?

А Мишка гнёт своё:

– Как – откуда лёд? Зима, вот и лёд! Все Чистые пруды замёрзли. А мы с Дениской идём, слышим – кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыхается и хватается руками. Ну, а лёд что? Лёд, конечно, обламывается! Ну, мы с Дениской подползли, этого мальчишку за руки, за ноги – и на берег. Ну, тут дедушка его прибежал, давай слёзы лить...

Я уже ничего не мог поделывать: Мишка врал как пописаному, ещё лучше меня. А в классе уже все догадались, что он врёт и что я тоже врал, и после каждого Мишкиного слова все покатывались, а я ему делал знаки, чтобы замолчал и перестал врать, потому что он не то врал, что нужно, но куда там! Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьём:

– Ну, тут дедушка нам говорит: «Сейчас я вам именные часы подарю за этого мальчишку». А мы говорим: «Не надо, мы скромные ребята!»

Я не выдержал и крикнул:

– Только это был пожар! Мишка перепутал!

– Ты что, рехнулся, что ли? Какой может быть в проруби пожар? Это ты всё позабыл.

А в классе все падают в обморок от хохота, просто помирают. Раиса Ивановна ка-ак хлопнет по столу! Все замолчали. А Мишка так и остался стоять с открытым ртом.

Раиса Ивановна говорит:

– Как не стыдно врать! Какой позор! И я-то их считала хорошими ребятами!.. Продолжаем урок.

И все сразу перестали на нас смотреть. И в классе было тихо и как-то скучно. И я написал Мишке записку: «Вот видишь, надо было говорить правду!»

А он прислал ответ: «Ну конечно! Или говорить правду, или лучше сговариваться».

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА ДЕТСТВА

А. Чехов. Мальчики
Ю. Сотник. Гадюка
А. Платонов. Никита

МИР ВОКРУГ НАС

М. Пришвин. «Изобретатель»
Б. Житков. Про обезьянку
К. Паустовский. Растрёпанный воробей

РАССКАЖУ ВАМ СКАЗКУ...

П. Бажов. Серебряное Копытце
Е. Шварц. Сказка о потерянном времени

ВЕСЁЛАЯ ПЕРЕМЕНКА

М. Зощенко. Великие путешественники
В. Драгунский. Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах

Серия «Школьная библиотека»

**ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ
(ДЛЯ 3-ГО и 4-ГО КЛАССОВ)**

Для младшего школьного возраста

Составитель

Юдаева Марина Владимировна

Художник

Черноглазов Владимир Юрьевич

Главный редактор А. Алир

Технический редактор М.В.Юдаева

Компьютерная вёрстка Д.А.Володин

Корректор С.П.Мосейчук

Ответственный за выпуск А.С.Рожков

Подписано в печать 18.12.2012

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 9.

Гарнитура «Школьная».

Тираж 25 000 экз. Заказ № 4878.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полнграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

- © П.П.Бажов, наследники, текст.
- © В.Ю.Драгунский, наследники, текст.
- © М.М.Зоценко, наследники, текст.
- © К.Г.Паустовский, наследники, текст.
- © А.П.Платонов, наследники, текст.
- © М.М.Пришви, наследники, текст.
- © Ю.В.Сотник, наследники, текст.
- © Е.Л.Шварц, наследники, текст.
- © Издательство «Самовар»,
составление, серийное оформление.
- © РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

ISBN 978-5-9781-0462-2

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Владимир Черноглазов

9 785978 104622 >